

Светлана
АЛЕШИНА

Две головы
ЛУЧШЕ

Сериал
«Александра»

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александра

Светлана Алешина

Две головы лучше (сборник)

«Научная книга»

2001

Алешина С.

Две головы лучше (сборник) / С. Алешина — «Научная книга», 2001 — (Александра)

Какая-то девица в кожаном прикиде ошивается возле небольшого элитного дома, явно что-то высматривая. Она не может не привлечь к себе внимания частного детектива Александры Данич, оказавшейся здесь тоже не случайно: ее наняли жильцы, обеспокоенные тем, что вокруг снуют какие-то подозрительные личности. Не сразу до Саши доходит, что «кожаная» девица – ее коллега. Все жители этого дома замешаны в преступлении, и Лиза Борисова взялась их разоблачить. Александра с жаром включается в ее расследование. Одна голова хорошо, а две лучше – это тем более верно, когда за дело берутся две энергичные сыщицы...

© Алешина С., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Две головы лучше	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Светлана Алешина

Две головы лучше (сборник)

Две головы лучше

Глава 1

Я швырнула трубку на рычаг.

– Бесплезно, – сказала я. – Где он может быть?

Честно говоря, я не особенно верила в то, что этот паразит действительно даст мне «Цветные баллады»!

Конечно, он предпочел в нужный момент просто исчезнуть, чтобы не выглядеть плохо – выглядеть плохо в чьих-то глазах, даже в моих, было не в правилах Димочки Карцева. Но надежда умирает последней, и я снова набрала двадцать пять – ноль-ноль – восемьдесят.

Телефон издевался надо мной, выдавая длинные, раздражающие гудки.

Вы замечали, что, когда тебе кто-то нужен до зарезу, этого человека не оказывается дома?

– Ну и как? – поинтересовался Пенс.

– Никак, – ответила я, до боли прикусив нижнюю губу. – Мои надежды пошли прахом... Нельзя доверять Карцеву. Он сделал это нарочно! Чтобы доставить мне неприятные минуты... Он надеялся, что я буду горько страдать и плакать! Но назло этому Карцеву я не стану этого делать ни за что! Я просто найду эти «Баллады» без его помощи!

Я моталась по книжным развалам в поисках нового томика Вийона, который найти было практически невозможно. И вот Карцев нашел! И даже пообещал подарить мне его на день рождения, как вдруг пропал!

– Твой день рождения ведь не сегодня, – напомнил мне Пенс. – Подожди, может, к тому времени он объявится?

– Он? – вытаращила я в праведном гневе глаза. – Да ты не знаешь этого Карцева! Он нарочно пообещал мне эту книжку, чтобы я ждала, мучилась, в слезах и близкая к отчаянию! Да ради этого он даже в Эмираты эмигрирует!

– Почему в Эмираты? – поинтересовался Пенс.

– Не знаю. Просто там я его точно не найду. Закутается в чадру и станет косить под честную шариятскую дамочку!

Пенс улыбнулся.

Его явно забавляло мое смелое предположение.

– В конце концов, я же могу вспомнить, что я детектив, и найти его! – возмущалась я. – Разве он не знает, что шутить с детективом опасно?

Пенс кивнул, давась хохотом.

– Почему ты смеешься? – настороженно спросила я.

– Просто, когда ты в гневе, ты очень забавно выглядишь, – честно сказал он.

– Все мужчины заодно, – горько вздохнула я. – Пора вступать в ряды феминисток!

– Ты каждый месяц грозишься это сделать, – заметил Пенс. – Если ты не пополнила их армию до сей поры, значит, тебе этого не очень и хочется!

– Вот и захочется! – мрачно сообщила я.

Мой тон на него подействовал.

Он замолчал и воткнулся в сто раз перечитанный им том Глена Кука. Потрясающая способность читать одну и ту же книгу много раз подряд! Как будто он собирается выучить ее наизусть...

Походив вокруг него, я поняла, что мои попытки обратить на себя его внимание тщетны. Видно, все решили сегодня довести меня до отчаяния!

Ну и ладно, подумала я, в очередной раз набирая номер Карцева в безумной надежде все-таки поймать этого счастливицу, раздобывшего где-то томик с «Балладами».

Может быть, мне повезет, и я смогу высказать ему все, что думаю по этому поводу! А пока...

– Подвезешь меня до Ларикова? – попросила я.

Пенс с сомнением посмотрел за окно.

Кое-где еще сохранялись белые пятна снега.

– Там асфальт уже, – нагло соврала я.

– Мне кажется, еще снег, – проговорил Пенс. – Может, я подвезу тебя на частнике?

– На чем хочешь, – милостиво разрешила я ему. – Скорей бы уж сошел этот чертов снег! – Летом ты будешь стенать, что готова отдать за него половину жизни, – усмехнулся Пенс.

– Когда это еще будет... Хотя ты прав, лето я не больно-то люблю... «Фонтаны ультра-фиолета» иногда достают, но не сейчас. Сейчас от них на душе радостно становится!

Радостно или нет, а на работу ходить нужно. Я вздохнула.

Нет уж, надо выйти замуж за миллионера и преспокойно сидеть дома дни напролет! Вот будет радость – встал часиков в двенадцать и совершенно не знаешь, чем себя занять!

– Пенс, – внимательно посмотрела я на своего друга, – ты не хочешь стать миллионером?

Вопрос мой явно застал его врасплох. Он посмотрел на меня с безграничным удивлением и заинтересовался:

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мне становиться миллионером?

– Чтобы ты мог стать моим мужем, – доступно объяснила я. – Мне тут пришла в голову мысль, что, если я не выйду замуж за миллионера, моя жизнь так и останется унылой и безрадостной! Может, ты все-таки станешь миллионером?

– Нет, – безжалостно покачал он головой. – Во-первых, я этого не хочу. А во-вторых, у меня это и не получится. Так что тебе придется смириться с унылостью и безрадостностью!

* * *

– Сережа?

Всклокоченная голова показалась из-под одеяла.

– Я тебя разбудила?

Он сел, щуря глаза. Фигура матери отказывалась приобрести законченные формы, расплываясь перед глазами в размытое световое пятно.

– Сколько времени? – зевнув, заинтересовался он, стараясь прийти в норму. Да, вредно так много пить. Вредно так много работать. А если ты это совмещаешь?

Последнее время он чувствовал себя жертвой вампира, ей-богу! Вампир был, правда, ненормальный, вместо крови ему для поддержания жизнедеятельности был нужен его интеллект.

– Половина двенадцатого, – сказала мать. – Ты вернулся вчера поздно...

Я вернулся сегодня, и потрясюще рано, усмехнулся он про себя. Было половина пятого утра, и я это помню, несмотря на то что моя голова отказывалась слушаться. Интересно, почему

я в состоянии помнить мелочи и совершенно не могу вспомнить, что было вчера? Нет, какой бред! Знать, что тыпил, и совершенно не помнить, с кем!

– Ты говорил, что тебе сегодня надо закончить, – напомнила мать.

– Ага, – кивнул он, потянувшись за сигаретой.

– Сережа! – укоризненно проговорила мать. – Я столько раз просила тебя не курить на голодный желудок! Сначала поешь, а потом хоть на голове выплясывай!

– Хорошо, мам, – он спрятал сигарету назад, в пачку.

– Я тебя жду.

Даже сюда, в его комнату, заваленную бумагами, дискетами и прочим мусором, доносился из кухни дразнящий запах яичницы.

Она вышла.

Он дождался, когда дверь за ней плотно закроется, и закурил.

Просмотрел листы, разложенные перед ним, и отбросил их в сторону.

Потом разыскал в этом нагромождении исписанной бумаги чистый лист и написал:

Блатная бражка, люд фартовый,
Кого на лагу не купить,
Умейте фраера любого
За жабры иль хомут схватить [Здесь и далее перевод «Баллад на
цветном жаргоне» Ю. Корнеева. – Прим. ред.].

Заказчик будет доволен.

Какая ему, в самом деле, разница, кто пишет тексты для его кретинских шлягеров – Сережа Аристов или давно умерший Франсуа Монкорбье по кличке Виллон?

* * *

Когда я наконец-то явилась на работу, Лариков доверительно беседовал с высоченной, полной дамой. Судя по одежде, передо мной была представительница нашей новой элиты, которую, в отличие от Элизы Дулиттл, никто не решился отучить от манер торговли.

Я приуныла, поскольку по предыдущему опыту знала, что Лариков не преминет свалить эту особу на меня, а таскаться по ее поручениям мне совсем не хотелось.

Словно в подтверждение моих печальных мыслей, Лариков обрадовался, увидев меня на пороге, и воскликнул:

– А вот и Сашенька!

Когда тебя называли уменьшительно-ласкательным именем, нет сомнений, что следующей фразой будет: «Она и займется вами!»

Дама оглянулась на меня, смерила взором, в котором я без труда угадала свою истинную цену – чего уж там говорить, крайне невеликую, по ее расценкам!

Правда, на ее губах с тремя слоями багрово-красной помады тут же появилась доброжелательная улыбка, но глаза... Обмануть меня она не могла. Ее глаза хранили властность и холод рыночной королевы. Эта королева могла немедленно сменить милость на гнев, воскликнув: «Отрубить ей голову!»

– Здравствуйте, – выдавила я из себя улыбку, пытаясь проскользнуть за пределы видимости, а именно на нашу милую кухню, где я с удовольствием выпила бы кофе и занялась бы своими делами.

Но нет! Рок сегодня вовсю разгулялся, демонстрируя мне свою безжалостность.

– Познакомься, Сашенька, это Ирина Тимофеевна, – медоточивым голосом пропел Лариков.

– Очень приятно, – все еще не теряла надежды спастись я. – Я пойду, да?

– Куда? – нахмурился Лариков. – Ирина Тимофеевна к нам по делу. Думаю, тебе интересно послушать.

«Интересно» он произнес с легким нажимом. Вот уж ничего интересного, хотела признаться ему я. Но кто платит, тот всю музыку и лабает, как любит говаривать один мой знакомый музыкант, а Ирина Тимофеевна, судя по ее одежке, была вполне платежеспособна.

Я покорно села на стул, стараясь удержаться на самом краешке, сложив руки, как примерная ученица, и опустив глаза долу.

Честно говоря, сейчас мне было намного интереснее, куда подевался этот гадкий Карцев, чем сложности жизни Ирины Тимофеевны. И я прикидывала в уме, как мне отказать тащить на себе дело этой «королевы рынка», не видя пока никакого выхода.

* * *

Спустя пятнадцать минут Аристов вышел на улицу.

Несмотря на яркое и теплое солнце, он поежился. Ветер забрался под воротник куртки, напоминая о недавней зиме.

Идти к Барышникову совершенно не хотелось. Оттягивая неизбежный момент встречи с работодателем, Сережа постоял возле киоска с кассетами, полюбовавшись пошленькими красотками, потом долго изучал книги и даже, не удержавшись, истратил последний полтинник на томик Айрис Мэрдок, отчего у него заметно улучшилось настроение, и он пошел уже быстрее по проспекту, к цели, которая совершенно его не привлекала, разве что одним неоспоримым фактором.

Деньги.

Теперь, когда последний полтинник был истрачен, его путешествие обретало пользу и смысл.

Барышников жил в «мажорском» доме. Набережная была уже близко, но и времени не оставалось, поэтому Сережа Аристов теперь почти бежал – великий маэстро тюремного шансона был вельми недоволен постоянными его опозданиями.

А все дело в твоей роже, подумал Сережа. В твоей похабной роже, видеть которую мне все тошнее и тошнее... Вот я и разгуливаю по проспекту, не особенно спеша на наши радостные randevu...

Ах, как бы ему хотелось бросить эти слова в толстое, губастое лицо Барышникова!

Но что бы ни говорили, а материальный фактор управлял его жизнью, и понимая, что занимается худшим видом самоубийства, он продолжал двигаться все дальше и дальше – в пропасть, прекрасно осознавая, что из этой бездны возвращения не будет.

Возле дома он снова замедлил движение и, достав сигарету, с тоской посмотрел вверх, на барышниковские «французские» окна.

– Хоть бы ты оттуда вывалился, – пробормотал он. – Может, нам всем станет легче, когда вся ваша уркаганская попсовая братия вывалится в свои «французские» окна?

Возле подъезда полногрудая дама в норковой шубе таскала на поводке туда-сюда унылого далматина. Аристова она окинула высокомерно снисходительным взглядом, безошибочно отнеся его к числу «батраков». То есть учителей, гувернеров, уборщиков и других представителей никчемушной интеллигенции.

Забавляясь ее нарочитой внушительностью, Аристов вполголоса процитировал Вийона:

В ответ напому лицемеру
Я притчу дивную Христову
Про участь богача скупого,

Что в вечном корчится огне...

Дама не расслышала его слов, но отчего-то нахмурилась, когда, вспомнив благодаря Вий-ону, что его все-таки ждут, Сережа двинулся в подъезд и прошел мимо нее.

Как будто я бомж, насквозь пропахший нищетой, подумал он, невесело усмехаясь, и набрал код. Дверь, щелкнув, открылась. Его ждали.

* * *

– Чашечку кофе?

Она вытаращилась на Ларикова так, будто тот предложил ей бокал цианистого калия.

Наконец до нее дошло, что ей предлагают, и на губах снова заиграла улыбка:

– Ох, а я вас поначалу и не расслышала! У меня ведь плохо со слухом. Нет, спасибо, не буду. От кофе давление поднимается, да и живот, знаете ли, пучит хуже, чем от гороха...

Я с трудом удержалась от смешка. Лицо Ларикова было непроницаемо-серьезным, и только в глазах мелькала улыбка.

– Тогда чай?

Она снова покачала головой. Я уже представила, как она аргументирует отказ от чая, и поспешно отвернулась к окну.

– Ну что ж... Не хотите, как хотите, – проговорил мой босс, по-прежнему стараясь сохранить невозмутимость.

– Так вот я зачем к вам пришла, – приступила к изложению своих проблем женщина. – Боюсь я. И не только я – мы с Лелей все обсудили и поняли: в милиции нас и слушать не станут, а что-то делать надо! Иначе нас всех переграбят!

– Что с вами сделают? – переспросила я. – Пе-ре-гра-бят? Это как?

– Это обворуют. Всех. Подчистую, – чеканя каждое слово, деловито произнесла Ирина Тимофеевна. – Из-за этого Барышникова. Больно к нему люди странные ходят. Рвань такая – не приведи господи! Вот я и хотела вас попросить, чтоб вы за этими его посетителями последили. Особенно за одним! Такой длинноволосый, в рваной куртке и старых джинсах. Он там чаще всех бывает... И что их связывать-то может?

– А вы спрашивали у самого Барышникова? – спросил Лариков. – Может быть, это его родственники?

– Да вы что! – ужаснулась женщина. – Нету у него родственников! Одна жена, а родители померли давно! Так что там нечисто! Да и спрашивали мы, он молчит. Сказал мне грубо так, не мое, мол, это дело. Да еще и прибавил, что, если я буду свой нос совать, крупно пожалею! Вот такие у нас дела творятся!

– А кто такой этот ваш Барышников?

– Звезда он, – отмахнулась Ирина Тимофеевна. – Песни поет. Хриплым таким голосом. Воровские песни-то!

Лариков не сводил с меня взгляда.

– Ирина Тимофеевна, – начал он, поняв, что я не собираюсь идти навстречу его тайным, невысказанным желаниям. – Вы понимаете, в чем загвоздка... Один день работы нашего сотрудника стоит очень дорого. Двести долларов в сутки. Надо ли вам так разбазаривать деньги? Мне кажется, будет куда проще, если вы все-таки постараетесь сами еще раз поговорить с вашим соседом. Без нашей помощи!

– Ну нет, – всплеснула она руками. – Я вам лучше заплачу, а вы разговаривайте! Я с этим Барышниковым и под страхом смертной казни не стану говорить!

Я приуныла.

Похоже, разговаривать с этим типом пошлют именно меня... Теперь уже я смотрела на Ларикова умоляюще, но он делал вид, что не замечает моего взгляда.

«Вот зараза», – мысленно выругалась я.

Деться от злой судьбы мне было, увы, совершенно некуда!

* * *

Как только дверь за ней закрылась, я приготовилась к атаке.

Лариков вернулся из прихожей уже не таким «новеньким долларом», каким он старался казаться «высокой гостью». Сразу поймав мое настроение, он среагировал быстрее, чем успела напасть я.

– Саша, это всего один день. Ты смотришь, кто туда приходит. Выясняешь, что за люди. Особенно этот, с длинными волосами, весь рваный... Раз он так пугает дамочек, с него и начни. Потом преспокойно пишешь отчет, что сей отрок ничего не замышляет, и кладешь в карман двести баксов. Тебе это не нравится?

– Давай-ка ты сам это все и сделаешь, – ласково промурлыкала я, поправляя воротник его рубашки. – В конце концов это ведь действительно нетрудно. И деньги тебе нужнее, чем мне.

– Нет уж, Сашенька, – так же ласково сказал гадкий Лариков. – Нет, солнышко! Для меня это слишком легкое дело, я не могу отнять у тебя такой легонький кусочек хлебца с маслом! Ну, ангельчик ты мой!

– А я терпеть не могу этот тип людей, – ответила я. – Делают вид, что им принадлежит весь мир, хотя прекрасно знают, что мир-то не дурак. Он держится совсем не на них. Если бы все было так, как им хочется, мир уже давно треснул бы.

– Ну, может, так у них реализуется комплекс неполноценности? – предположил Ларчик. – Может, их надо жалеть?

– Да жалею, если тебе хочется, – фыркнула я. – А я не буду. Потому что... Ну, что я тебе буду объяснять? Я тоже не люблю, когда мне навязывают свой «стиль лайф», который мне не нравится. И я им ничего своего не навязываю, тогда чего они ко мне суются? В общем, Ларчик, если ты хочешь моей медленной и мучительной смерти, посылай меня туда. Только учти, я не хочу с ними разговаривать!

– А ты с ними и не будешь разговаривать, – заверил он меня. – А с рваными и длинноволосыми ты контактируешь легче, чем я.

– Тогда давай делиться, – кивнула я. – Я вступаю в контакт с загадочным посетителем, узнаю, кто он и что у него там за примочки, а ты соответственно пообщаешься потом с господином Барышниковым. Нельзя же отпускать в логово этого распутника молоденькую пуританку, которой я являюсь!

– А с чего ты взяла, что он распутник?

– Да все они распутники, – отмахнулась я. – Им больше думать не о чем. Только о еде и всякой похабщине. У них же если и есть чего в голове, так всего одна извилина, и та работает над проблемой, как бы побольше захватить.

Он задумался над моим предложением, но быстро понял, что никуда ему тоже не деться, и согласился:

– Ну, хорошо... Согласен. Приступай к оболыщению рваного и длинноволосого. Если ты убедишься, что этот Барышников представляет угрозу для общества...

– Смотря для какого, – рассмеялась я. – Для общества такого же, как он, вряд ли. А так – думаю, они все представляют для нас угрозу.

– Вот и посмотри, в чем эта угроза. Чем этот тип развлекает себя на досуге. Может быть, он и правда связан с «криминалами».

– Приступаю, – вздохнула я, втайне надеясь, что сегодня я обречена на бездействие.

Взяв книгу, я направилась к выходу.

– Позвони, если что узнаешь, – попросил мой безжалостный босс.

– Конечно, позвоню, – пообещала я. – Хотя мне кажется, что все это дело гроша ломаного не стоит...

– Для нас же лучше, – развел руками Лариков. – Чем проще задача, тем мы больше отдыхаем.

И это утверждение было совершенно правильным.

Глава 2

Сережа Аристов не мог понять, почему, едва он ступит за порог барышниковской квартиры, в его душе возникает странное чувство нищего, просящего милостыню. Спина сама собой сгибается, а в глазах, вопреки его желанию, появляется оттенок угодливости.

Зависимости.

Хозяин квартиры, в засаленном махровом халате с вензелями, лениво посмотрел на Сережу и спросил:

– Принес?

Сережа торопливо кивнул, протягивая листок с текстом.

Барышников благосклонно принял подношение и надел на нос тяжеленные очки.

Сережа подозревал, что эти очки Барышников носит для «убедительности», а на деле там вставлены простые стекла.

Прислонившись к стене, он наблюдал за своим хозяином.

У Барышникова было полное лицо с отвислыми, как у сенбернара, щеками-брылями и круглыми небольшими глазами, мягко утопающими в складочках благодушного жирка. Глядя на его лицо, Сережа иногда думал, что все «новые русские» явно воспитывались на бессмертном «Мистере Твистере» и теперь по мере сил пытались соответствовать единственному известному им образцу «капиталиста».

Еще у Барышникова был крупный, мясистый нос с синими прожилками и мерзопакостными бугорками, отчего Сереже было его жалко. Потому что за Барышниковым уже охотилась старость, а смириться со старостью и многочисленными «нельзя» Барышников не мог.

– Пройди, – коротко приказал хозяин. – Кофе тебе налью. С коньяком.

В очередной раз услышав такое не терпящее возражений предложение, Сережа усмехнулся про себя. Само собой подразумевалось, что чертов кофе с чертовым коньяком недоступен нищему поэтику, а ежели бы был доступен, это уже нарушало бы правило его, Барышникова, игры. Его «диктатуры существования».

Он вошел в комнату, старательно стилизованную под старину, с неизменными патристическими иконами. Эти иконы, как и постоянные перекрещивания лба, не были свидетельством барышниковской веры в бога. Им отводилась довольно скромная роль. Часть имиджа, которому Барышников был обязан соответствовать, чтобы нравиться публике.

Барышников выполнил свое обещание, и Сережа откинулся на спинку кресла, наслаждаясь вкусом кофе. Барышников углубился в чтение, коротко посмеиваясь.

– А ты гений у нас, парень, – выдал он поощрительный приз. – Теперь Маринка слабеет музыку, и все будет в порядке.

– А... она должна сегодня это сделать?

Сережа старался скрыть охватившее его волнение, но слегка охрипший голос выдавал его с головой.

– Придет, – кивнул толстокожий Барышников, который пароксизма Сережиной страсти не заметил. Впрочем, как он не замечал вообще ничего, кроме свой царственной особы.

– Вот это грубовато, не находишь?

– Что? – спросил Сережа.

– Да вот... «Уж лучше трахать, чем копить, пока вам не свернут хлебало». Перегибает, тебе не кажется?

Сережа чуть не рассмеялся. Но вовремя наступил на горло рвущемуся из груди хохоту и совершенно серьезно спросил:

– А как лучше?

«Сейчас этот придурок начнет править Вийона, – подумал он, сквозь ресницы рассматривая Барышникова, который теперь напоминал ему Тартюфа. – Становится интересно!»

– Сам подумай, ну что это за «трахать»? Слово-то грязное. Может, лучше написать – заниматься сексом? Из ритма не очень и выпадает. Не возражаешь, если подправлю?

Сережа милостиво кивнул. В конце концов правят-то не его, а Франсуа Монкорбье, вот пускай Вийон ему иски и вчиняет.

Теперь ситуация его изрядно забавляла. Идея заставить великого француза работать «негром-текстовиком» у этого толстого борова с задушевно-хрипатым голосом показалась ему вполне симпатичной. «Думаю, и самого Вийона эта ситуация позабавила бы несказанно... Сидит этакий лох в блатном прикиде, с очками на кончике носа, и, высунув язык аж до яиц, правит Вийона, в немом восторге от собственной тупости!»

– Теперь хорошо стало, – причмокнул языком от удовольствия Барышников. – Ты не обижайся, но чувства слушателя надо уважать. Так что на будущее следи за своим сленгом.

Сережа уже с трудом сдерживал хохот. На глазах даже появились слезы, но Барышников не обратил на это внимания. Или решил, что Сережа расстроен.

Во всяком случае, он равнодушно окинул взглядом Сережину фигуру, встал, открыл секретер и достал оттуда пять сотенных купюр.

Протянув их Сереже жестом монарха, он выразительно подождал благодарных слов, и Сережа тут же пискнул:

– Спасибо большое.

В принципе он перестал уже чувствовать уколы совести из-за того, что этот гонорар ему заработал Вийон. Ведь они с Маринкой зарабатывают для Барышникова куда больше...

«Такова судьба поэтов, Франсуа, – подумал он. – Раз уж таков существующий порядок вещей, куда нам от этого деться? Глупо бороться с реальностью, как бы пошла она ни была!»

* * *

Везет же мне на идиотские поручения, думала я, подходя к «объекту слежки». Господи, вот уж точно, некуда людям деньги девать! Надо же додуматься – нанять частного детектива, чтобы выяснить, чем занимается твой сосед по дому!

Хотя, конечно, домишко был весьма презентабельный!

Внизу были выложены желтым и красным кирпичом какие-то узоры, под стать ковровым, наверху торчали три башенки, и сам дом так и сиял благополучием и уверенностью в завтрашнем дне, как и его хозяева.

К слову сказать, я чувствовала тут себя в своих джинсах и старой куртке тоже не очень-то к месту. Вполне могу быть расценена здешними аборигенами как подозрительная личность, между прочим. Надо было Ирине Тимофеевне позаботиться о моем внешнем облике. То есть приодеть меня подороже и «поприличнее», дабы я соответствовала общему типу здешних мест.

Усевшись на скамейку, я достала книжку и уткнулась в нее, краешком глаза наблюдая за массивной входной дверью.

Пока в это милое гнездышко никто не входил и никто не спешил его покинуть.

Полчаса я спокойно читала, потом из дверей выкатилась тетка в коже, у которой я вызвала подозрения – она скосила на меня глаза и что-то пробормотала. На всякий случай я ее щелкнула. Она прошла мимо меня, еще раз оглянулась в мою сторону неодобрительно и пошла к мини-маркету, расположенному неподалеку.

Потом мимо меня прошелестел солидный господин с объемным пузиком, который тоже окинул меня взглядом и даже причмокнул полными губищами. Он исчез в доме, а я его, естественно, злорадно запечатлела на фото пленку – нечего так похотливо причмокивать!

Некоторое время во дворе царил почти могильный покой, нарушаемый только отдаленным гулом проспекта.

Я уже была опечалена таким плохим уловом, как вдруг дверь открылась и из дома появился парень. В рваных джинсах. С длинными волосами. Как и описывали. Совершенно не подходящий своим «хипповским» имиджем и умными глазами здешнему благопристойному ландшафту.

Естественно, я щелкнула фотоаппаратом и только после этого заметила, что парень оставался, застыл на месте и с непонятной радостью пялится на меня, как на старую и добрую знакомую.

Присмотревшись, я издала радостный вопль.

– Сашка, это все-таки ты? – спросил мой давний знакомец и однокурсник Сережка Аристов. – Черт побери, а я не могу понять, ты это или мираж, потому что совершенно недоступно моему пониманию, как ты могла оказаться в здешних зловонных джунглях!

– Точно такой же вопрос я могу задать тебе, – усмехнулась я. – Какого черта ты тут делаешь? Неужели разбогател настолько, что купил квартиру в этом доме?

– Я что, похож на владельца местных апартаментов? – улыбнулся он. – Нет, я тут... работаю.

От меня не укрылась пауза-заминка, и я мгновенно напряглась.

– И кем? Убираешь квартиры? – невинно поинтересовалась я.

– Нет, – покачал он головой. – У меня несколько иная работа. Но я не могу о ней распространяться. Ты-то тут как оказалась?

– Работаю, – ответила я, мстительно улыбаясь тому, что и на его лице появилось замешательство. – И тоже не могу распространяться о работе, представь себе.

В это время в дом вошел еще один подозрительный, на мой взгляд, тип, и я щелкнула фотоаппаратом. Мое движение Сережка заметил и насупился.

– Зачем ты Воронова сфотографировала? – поинтересовался он. – Ты что, переквалифицировалась в фотографы?

– Нет, в управдомы, – огрызнулась я. – Я частный сыщик, ласточка ты моя. И мне бесконечно интересно, на какой скользкий путь ты встал. Ты, случайно, не к Барышникову приходишь?

Он вытаращился на меня и пробормотал:

– Откуда...

– От верблюда, наверное, – пожала я плечами. – Расскажи мне лучше, что за тип этот ваш Барышников, я все это запишу и честно отчитаюсь перед здешними тетками, что вы не замышляете вооруженные ограбления их бесценных квартир!

– Что?!

Он потер ладонью лоб.

– Нет, Сашка, все это надо бы переварить. Ты – частный детектив... Это уже выходит за пределы моего понимания! Ты же классная переводчица!

– Ага, классная, – хмыкнула я. – Может быть, ты мне подскажешь, где у нас хорошо зарабатывают переводчики? Вот я и сменила профессию. Так что у вас за странные «междусобойчики» с господином Барышниковым? Я никак не могу представить вас вместе.

– Долгая история, честное слово, Саша! Но мы никого не собираемся грабить. Просто тайна эта не моя.

– Не надо меня интриговать, а? – попросила я. – В конце концов, я же не собираюсь сдавать тебя властям. Просто скромно сообщу Ирине Тимофеевне, что ты не вор. Не террорист. Ходишь к Барышникову попеть романсы и арии из «Князя Игоря».

– Что-то в этом роде, – рассмеялся он. – Пойдем в кафе, выпьем по чашке кофе. И я тебе расскажу, чем я занимаюсь, только под большим секретом, ладно?

В это время мимо нас снова прошествовала «кожаная леди», возвращающаяся из мини-маркета. К моему удивлению, пакетик в ее руке был полупустым – впрочем, может быть, она просто следит за весом?

Я вздохнула. Как бы мне все-таки собраться с силами и сесть на диету?

У меня с этим как-то не получалось. Все мои благие порывы уже вымостили мне прямую дорогу в ад. А вот эта леди обладает неплохой фигурой и старается держаться в форме, что весьма похвально. Не то что Александра Сергеевна, которая потребляет огромное количество калорий в виде кофе.

Хотя почему это я решила, что «кожаная красавица» не несет в своем пакетике именно кофе?

«Или ручную гранату», – подумала я, хихикнув про себя, продолжая наблюдать за этой особой.

Она вошла в подъезд.

Я снова спрятала фотоаппарат и с сомнением посмотрела на дом.

Торчать тут мне уже надоело, к тому же я немного замерзла. Предложение Аристово показалось мне весьма заманчивым.

– Ладно, в конце концов, ты мне все расскажешь, и я составлю «докладную записку» с твоих слов, – смирилась я с отсутствием душевной твердости.

Дурацкое задание, а «каков вопрос – таков ответ», успокоила я свою не очень-то проснувшуюся совесть.

– Пошли?

Я посмотрела на Сережку.

Он вдруг застыл, глядя в глубь улицы с таким восхищенно-умиленным выражением, что я невольно обернулась.

Девушка, идущая по переулку, была само очарование. Огромные сияющие бирюзовые глаза были густо окаймлены черными длинными ресницами, а короткая стрижка делала ее похожей на юную Одри Хепберн.

– Маринка, привет, – почти сдавленно, но храня в обертонах голоса нежность, проговорил Аристов.

Она остановилась на одно мгновение, и черты ее лица, до этого напряженные, расслабились в легкой улыбке.

– Привет, Сереженька, – пропела она.

Голосок у нее был удивительный – мне показалось, что в воздухе рассыпались и погасли звезды-колокольчики.

– Ты к нему?

– Ага, – кивнула она и, скорчив очаровательную гримаску, призналась: – Так не хочется! Ты принес текст?

– Да, – немного неуверенно сказал он. – Ты долго у него собираешься быть?

– Не знаю, – пожала она плечиком.

– Если успеешь, мы будем в кафе.

– Ты нас, может быть, познакомишь? – встряла я в разговор.

– Ах да. Это Саша. Моя однокурсница. А это... Марина. Она из консерватории.

– Очень приятно, – улыбнулась девушка, и я позавидовала белизне и ровности ее зубов. – Я постараюсь побыстрее избавиться от Барышника. На всякий случай подождите меня там полчаса, ага?

Мы согласились.

Она исчезла за дверью, а Сережка все стоял на месте. Его глаза были мечтательными, будто перед ним уже возникли картины их безоблачного будущего с Мариной.

– Пойдем, – дернула я его за рукав. – А то ты мне ничего не успеешь рассказать!

* * *

– В общем, я пишу всю эту смурь, а Маринка музыку, – рассказывал он мне уже в кафе. – Если честно, меня и самого тошнит. Но он платит хорошо, и мы могли бы тихо радоваться...

– Кстати, что он за тип, этот Барышников?

– Не знаю. Ничего определенного. Он неприятная личность, даже внешне... Как будто провел всю жизнь на зоне. Но это не так. На самом деле он закончил отделение народных инструментов в музыкальном училище и играл на аккордеоне в оркестре. Кажется, аккомпанировал какому-то хору – в общем, у него вполне респектабельное прошлое. Потом понял, что в моду вошел «блатняк», и решил попробовать себя в роли звезды шоу-бизнеса. Как ни странно, у него это получается! Вот только с песнями плоховато. Петь «народные-хороводные» уже не актуально, их почти все распевают – даже эстрадные звезды. Вот он и начал сам тужиться, да ничего пристойного не получилось. Я сидел без работы, и когда мне предложили такую «халяву», я не отказался. Сначала я просто чумился от души, потом мне начало все надоедать, но поезд уже ушел. Маринке проще, она лепит свои три «задушевных» аккорда, а моя голова уже устала от тюремной специфики. Так что последний опус я отнес не свой. Вийона.

– Что?!

– Да из «Баллад на цветном жаргоне». Эти, знаешь? «Уж коль моргнут «Атас! Менты!», не жди, чтоб повторили «Шуба!»...»

– О черт! – вскричала я. – Где ты их раздобыл? Я не могу выпросить их у Карцева!

– Я тебе дам, – пообещал он.

– Слушай, – дошло до меня, – ты же рискуешь! А если это обнаружат?

– Те, кто слушает эти песнюшки, не читают Вийона, – отпарировал он. – И наоборот!

– Все равно, – покачала я головой. – «Красавцы, розы с ваших шляп вам снимут вместе с головою, коль в краже уличат...»

– Не страшно, – рассмеялся он. – Никто этого не заметит. Тем более что в данный момент Барышников правит «мой» текст в собственном вкусе. Не думаю, что после его правки кто-то узнает Вийона!

– Ладно, в конце концов, твое дело, – сказала я. – Спасибо, что просветил меня насчет опасений барышниковских соседок. Так им и объясню, что ты помогаешь «великоблатному маэстро» с текстами...

– Лучше скажи, что я их ретуширую, – взмолился он. – Не отнимай у бедняка кусок хлеба с маслицем!

– Да успокойся ты, – отмахнулась я. – Я найду, что сказать старушенциям!

Мне было уже пора.

– Ты остаешься? – спросила я у него.

Он посмотрел на часы и кивнул:

– Да, я дождусь Маринку. Хотя, конечно, ждать придется долго...

– Нет, – я показала на дверь. – Она уже тут. Так что пока, звони, если будут проблемы... Я сунула ему в карман визитную карточку.

Марина стояла в дверях, напряженно всматриваясь в полумрак кафе. Наконец она нас увидела и быстрыми шагами пошла к нашему столику.

В неприятно-зеленоватом освещении ее лицо показалось мне неестественно-бледным, а глаза расширившимися от неведомого мне страха.

Впрочем, на ее губах тут же появилась дежурная улыбка, вернувшая ее облику человечность, и она с сожалением спросила:

– Уже уходите?

– Да, мне пора, – развела я руками. – Надеюсь, мы еще как-нибудь встретимся...

– Надеюсь, – согласилась Марина.

– Пока, и удачи вам на творческом поприще!

Я пошла к выходу. Но успела услышать тихий вопрос Аристова:

– Маринка, что случилось? На тебе лица нет!

Я остановилась, думая, не вернуться ли мне, но потом решила, что это их личные дела, а они к моему делу никоим образом не относятся.

Правда, на пороге я оглянулась.

Они сидели, склонившись друг к другу. Сережка держал Марину за руку, а она что-то ему говорила быстро и горячо, и, судя по его глазам, слышать это ему было не очень-то приятно. Он покусывал губы, но сдерживался, продолжая успокаивать свою встревоженную возлюбленную мягкими поглаживаниями руки.

В принципе, они красивая парочка, отметила я. Наверное, этот Барышников, который, судя по Сережиному рассказу, очень неприятный тип, имеет наглость приставать к очаровательной Марине с грязными намерениями.

Мне стало грустно. Я вспомнила свою клиентку и мрачно усмехнулась.

Надо же быть такой напыщенной индюшкой, чтобы подозревать в дурных умыслах людей, одетых беднее, чем ей хочется!

На мой взгляд, Марина и Сергей способны были вызвать куда меньше подозрений в преступных умыслах, чем «респектабельный» сосед Ирины Тимофеевны.

Впрочем, равно как и сама моя клиентка.

Глава 3

К Ларикову я приехала страшно уставшей. Уже начинало смеркаться, и погода ухудшилась, поэтому я предстала перед ним довольно расстроенной и злой.

– Вот, – отдала я ему пленку. – Можешь выяснять, кто эти люди. Мне удалось установить только две личности, но думается мне, именно они вызывали стойкие подозрения в посягательстве на собственность Ирины Тимофеевны...

– И чего мы так злимся? – миролюбиво спросил босс.

– Сам бы там посидел, как кретин, – огрызнулась я. – По счастью, тип в рваной куртке оказался моим знакомым и даже напоил меня кофе. Чего вовеки не сделала бы Ирина Тимофеевна...

– Может быть, она бы разорилась и на коньяк, – смело предположил Лариков.

– Сейчас, – усмехнулась я. – Судя по ее физиономии, ей и корочки хлеба жалко для нищего!

Он поднял на меня глаза и покачал головой укоризненно.

– Сашка! Нельзя же так раздражаться! Что она тебе сделала?

– Ничего, – пожалала я плечом. – Только вынудила торчать около ее дурацкого дома, наблюдая за ее дурацкими соседями и чувствуя себя при этом полным «чайником»!

– Ну, хотя бы не пустым, – попробовал пошутить Лариков.

– Плоско, сударь, – холодно отрезала я. – Если не умеешь чего-то делать, не берись. Это касательно твоего остроумия... Если тебе сказали, что оно свойственно твоей натуре, тебя обманули.

После сей словесной эскапады я сочла себя вполне удовлетворенной и с гордым видом отчалила на кухню, где сварила себе еще кофе; хотя, пока я его варила, немного поостыла и пришла к выводу, что на Ларчика я налетела зря.

Наверное, еще через несколько мгновений я была бы готова попросить у него прощения за свое отвратное поведение, но в дверь позвонили, и он подал голос:

– Саша! Открой, пожалуйста!

Ну, конечно! Как открывать дверь, так это только Саша. Сидеть в кустах, наблюдая за особенностями жизни толстосумов, – это тоже только Саша. В общем, всю грязную работу валят на меня, унижая мое женское достоинство.

Поэтому я процедила сквозь зубы:

– Сейчас...

Вложив в это шипение всю степень своего презрения.

Открыв дверь, я увидела внушительную фигуру Ирины Тимофеевны.

– Сашенька, девочка моя, – радостно пропела она, пытаясь придать своему коровьему лицу выражение, свойственное представительнице королевской династии. – Ну, и как у нас дела?

– Проходите, – проговорила я, пытаясь скрыть свои чувства за вежливой улыбкой.

– Но успехи-то есть? – тревожно поинтересовалась она.

– Смотря чего вы от этого ожидали, – сказала я. – Никаких подозрительных личностей я там не обнаружила. Впрочем, посмотрите фотографии сами... Может быть, сегодня «воры в законе» решили не собираться на сходку в квартире господина Барышникова?

– Леля сказала, что опять крутились весь день, – развела руками моя клиентка. – Но давайте-ка взглянем, что там за люди были...

Смело предположив, что я и была той самой подозрительной личностью, которая весь день, как ворон, ожидающий добычи, кружила над уютным миром загадочной Лели, я достала фотографии и сразу показала на Сережу Аристова и Марину.

– Вот этих ребят я знаю. Парень – филолог, помогает Барышникову править тексты. Девушка – музыкант. Так что они сразу отпадают. Хотя к Барышникову ходят именно они. Вы про них говорили?

– Нет, – покачала она головой. – Леля, правда, боялась вот этого паренька, – она ткнула в Сережу, – но я говорила не только о нем.

Она внимательно просмотрела фотографии и вытянула из стопки фотографию девицы в коже.

– Вот эта баба мне не нравится. И она, выходит, сегодня снова тут была...

– А мужчина?

– Ну, это Виктор Сергеевич Таманцев. Он живет в нашем доме, так что... Нет, я говорила про эту вот дамочку. Несколько раз я ее заставляла в нашем подъезде. Она просто стояла у окна и курила... Я ее спросила, к кому она. Она сказала, что это не мое дело. Я пригрозила милицией. Тогда она сообщила мне, что пришла к Барышникову. Вы о ней что-нибудь узнали?

Я покачала головой:

– Нет... Думаю, с этим придется подождать до завтра. Может быть, Андрею Петровичу удастся что-нибудь выяснить? Если вам это так нужно, что вас не остановит необходимость выложить еще двести баксов...

О, как я надеялась, что она оставит эту свою затею! Ну, пожалуйста, взмолилась я, наблюдая за ее душевной борьбой, пусть жадность победит! Сделай так, господи, и я возлюблю всех своих ближних, даже этих!

– Тем более что вряд ли эта женщина представляет собой угрозу обществу, – добавила я.

– Да ладно, – махнула она рукой.

Из моей груди уже вырвался вздох облегчения, но радость моя оказалась преждевременной.

– Что мне на эти баксы-то смотреть? – усмехнулась Ирина Тимофеевна. – Вы все-таки проверьте эту мадамочку. Не нравится она мне, видит бог, не нравится! Того и гляди произойдет в нашем доме беда, а я вроде как проглядела...

Я стиснула зубы. Теперь я была готова издать вопль отчаяния.

В это время в комнату вошел Лариков, и я мстительно улыбнулась.

В конце концов, ведь именно он должен был выяснить, кто эти люди! А моя задача уже выполнена, вот так-то, господин Лариков!

* * *

Я не вслушивалась в их задушевную беседу.

Удалившись на кухню, я принялась за свой остывший кофе, наслаждаясь тишиной и относительным покоем.

«Саша сделала свое дело, Саша может отдыхать», – перефразировала я известную цитату про мавра.

Уставшему до смерти человеку много ли надо для счастья? Даже неизбежность прогулки по промозглым от дождя улицам не пугала меня – ведь пойду-то я домой!

Позволив себе улыбку, я прислушалась к голосам в комнате. Лариков и Ирина Тимофеевна о чем-то горячо спорили. Почему-то в гневе Ирина Тимофеевна любит говорить басом, с удивлением отметила я. Смысл их спора оставался для меня неизвестным, и я легко подавила природное любопытство – а ну их, в самом деле!

Тоже мне, нашли террориста – Сережку Аристова!

Лично мне сей типус был куда более известен, и я-то знала, что из него террорист, как из меня фигуристка!

Сережка и собственной-то крови боялся, бледнея при малейшем порезе.

Да и его девушка тоже показалась мне существом не от мира сего. Конечно, странное у них ремесло, так и у меня оно тоже весьма странное! Кому уж как повезет. Одна моя сокурсница вообще подрядилась на базаре курами торговать, и неизвестно, что лучше – как мы с Сережкой или как она!

Это вот Пенсу хорошо – программисты всегда будут нужны, а нам куда деваться с нашими «мертвыми языками»? Аристов изучал латынь, так ему надо работать переводчиком при древних римлянах, а где их сейчас раздобудешь?

Беседа в комнате подходила к завершению. Теперь они оба говорили тихо и спокойно.

Потом я услышала громкое: «До завтра!» и подавила тяжеленный вздох.

Значит, наша гостя пожалует и завтра...

Раздались быстрые шаги, и на пороге возникла фигура моего босса.

Волосы у него были всклокочены, как если бы нашей посетительнице вздумалось по-дружески потрепать беднягу своей могучей дланью по голове.

Издав протяжный стон, он тяжело опустился на стул и спросил меня:

– Морковка, радость моя, ну почему некоторые люди так невыносимы?

– Ты это про меня? – осторожно поинтересовалась я.

– Нет, про Ирину Тимофеевну, – простонал он. – Это же монстр какой-то! Я два часа...

– Час, – поправила я его.

– Что? – не понял он.

– Час, – повторила я. – Ты разговаривал с ней не два часа, а один час. Я засекала время.

– Господи, да какая разница, – отмахнулся он. – Я пытался ее убедить, что она придумывает глупости, что следить за людьми просто так мы не можем, но она обеими руками вцепилась в дурацкую идею о тайных заговорах против ее имущества! Что за мерзкая баба, с ума можно сойти!

– Завтра ею будешь заниматься ты, – напомнила я.

– Данич, помилосердствуй! Я и так...

– Ты не сидел по ее наводке перед домом, – напомнила ему я. – Так что разговоры бессмысленны. И у меня завтра выходной день, между прочим. Должна же я подготовиться к своему дню рождения!

– Ой, я и забыл, – мгновенно растаял он. – Прости, маленький... Конечно, я завтра займусь этой девицей, хотя...

Он запнулся на полуслове, мечтательно уставившись на потолок.

– Что? – поинтересовалась я. – Тебя посетила мысль, и ты не знаешь, что делать с этим феноменом?

– Да оставь, – отмахнулся он. – Тебе не кажется подозрительной вся эта ситуация?

– С «кожаной леди»?

– Да нет! С самой Ириной Тимофеевной. С какой стати она призывает нас отследить всех входящих и выходящих из квартиры Барышникова?

– Боится за свои брюлики, – пожала я плечами.

– А зачем она фокусирует наше внимание именно на нем? Тебе не кажется, что она хочет с нашей помощью собрать на бедолагу компромат?

На мой взгляд, слово «бедолага» с боровом Барышниковым как-то плохо вязалось.

– И зачем ей это понадобилось?

– Откуда я знаю? – развел он руками. – Будь моя воля, я бы разобрался прежде всего с нашей Ириной Тимофеевной...

Я застыла, так и не донеся чашку до рта.

Умозаключение моего начальника подействовало на меня ошеломляюще.

– Что ты на меня так смотришь? – осторожно поинтересовался он. – Я кажусь тебе сумасшедшим?

– В принципе, да, – призналась я. – Но я не удивляюсь этому. Общение с Ириной Тимофеевной может довести до такого состояния кого угодно! Даже человека с более крепкими нервами, чем у тебя! Дело, брат мой, в другом. Похоже, она каким-то неизвестным мне, возможно, парапсихологическим способом сумела повлиять на твое сознание.

– Как это?

– Да очень просто, – улыбнулась я ему ободряюще. – Ты тоже начал страдать манией преследования.

– Очень хорошо, – обиженно пробормотал Лариков. – Значит, я кажусь тебе психом?

– Надеюсь, это временное помешательство, – успокоила я его.

– И почему, позволь поинтересоваться?

– Господи, Ларчик! – поморщилась я. – Ну, посмотри ты на это дело реально! Баба свихнулась на собственной значимости. Возомнила себя «домовым генералом». Судя по ее рассказам, там наличествует еще одна такая же «домоуправительница». Вот они вдвоем и впадают в оголтелый маразм, пытаясь от скуки придумать себе и нам, бедным, развлечения! И сама она никаких компроматов не собирает, да и куда бы она их понесла? Кому интересно, кто посещает этого толстого Барышникова, если и так всем известно, что наши поповики – народец развратный? Так что глотни лучше остывшего кофе и приди в себя. Мир прост и прекрасен, и не надо его усложнять. Завтра ты просто выяснишь, что дама в коже – любовница Барышникова, и наша клиентка успокоится. Придумает себе новую загогулину в мозгах, но наша печаль пойдет на убыль, поскольку отныне, завидев ее массивный торс, мы будем прятаться под кровать, чтобы снова не оказаться в ее свинцовых объятиях!

Он выслушал меня, и, слава богу, в его глазах вновь появилась ранее присущая ему трезвость мысли.

– А ты, наверное, права, – задумчиво проговорил он, глядя на меня с трогательным восхищением. – Просто она меня достала...

– Она и меня умудрилась достать, – развела я руками. – Увы, такова сущность этой породы людей... Специально созданы богом, чтобы наша жизнь не была чересчур легка! Деньги-то она хоть заплатила?

– Нет, – грустно покачал головой Лариков. – Обещала заплатить завтра. Когда мы выясним все насчет «кожаной тетки»...

– Вот почему ты решил, что она мошенница, – без особенного труда догадалась я. – Да не расстраивайся, Андрюшенька!

– Ага, – хмыкнул мой босс, явно не понимая моего умиротворенного состояния. – У нас, между прочим, денег нет! Стал бы я связываться с этой кикиморой, если бы с этими проклятыми финансами было все в порядке!

– Такова наша жизнь, – вздохнула я. – Деньги, впрочем, не главное в жизни, моя радость!

– Понятно, что не главное... А что тогда главное?

Я зажмурилась, вспоминая лица Аристова и Марины. Несмотря на грусть, в глубине их глаз таилось счастье, готовое выплеснуться оттуда в любую минуту.

– Наверное, любовь, – подумала я вслух, не обращая внимания на озадаченный взгляд Ларикова.

* * *

Первый раз я оценила справедливость лариковской печали по поводу обрушившегося на нас безденежья, когда вышла на потемневшую улицу. Моросил противный дождь, под ногами было скользко и сыро, а денег на машину у меня, увы, не было!

Я бросила в небеса просящий помощи взгляд и поплелась на трамвай.

Подняв воротник, я шла по проспекту и раздумывала о превратностях судьбы.

Из ресторана выкатилась кучка граждан, и судя по их покрасневшим от выпитого лицам, мои финансовые затруднения им были незнакомы.

– Все-таки это не очень справедливо, – тихо проворчала я, глядя на их визгливо хихикающих подруг, которые поспешно заталкивались в такси.

Присмотревшись, я ойкнула.

Одной из дам, представьте себе, была наша посетительница, а в отдалении я заметила неподвижно застывшую фигуру.

Лица ее не было видно, но мне показалось, что оно повернуто к этой разудалой компании.

«Надо же, так набраться за какие-то два часа», – подумала я, глядя на Ирину Тимофеевну, которая теперь игриво брыкалась, пытаясь заехать грязным сапожком в нос седовласому джентльмену, у которого от восторга и предвкушения бурной и страстной ночи с моей визави отвисла нижняя губа.

Переведя снова взгляд на таинственную фигуру, я увидела, что она быстрыми шагами движется прочь, унося с собой загадку.

По легкости походки я узнала ее.

Наша «кожаная дамочка»...

«О-о, – озадаченно подумала я. – Интересно, что она тут делала? Была ли она здесь случайно или эта «случайность» хорошо спланирована?»

Компания тем временем загрузилась в такси и отъехала.

Что тут все-таки делала эта «кожаная леди»? Какая нить связывает ее с Ириной Тимофеевной?

В том, что эта нить наличествовала, сомнений у меня не возникало. Поэтому я еще раз, прищурившись, взглянула туда, где недавно стояла безмолвная фигура.

Чего она хотела?

«Да чего угодно, – проворчала я про себя. – Мало ли чего... Ты сейчас все равно не сможешь узнать. Да и надо ли это тебе? Может быть, она ее внебрачная дочь?»

Я двинулась дальше, думая о даме в кожаном, поскольку теперь...

Да, да, теперь я с удивлением обнаружила, что эта нечаянная встреча разбудила мое любопытство. Теперь эта история, хотя и продолжала казаться мне чрезвычайно дурацкой, стала интересна.

Так интересна, что я думала об этом по дороге домой.

* * *

Всю ночь за окном моросил этот треклятый дождь, смешанный со снегом.

Я долго не могла заснуть, слушая его заунывный шум, и настроение у меня было, прямо скажем, какое-то загробное.

Может быть, поэтому, как только я заснула, пересчитав тысячное поголовье слонов, я оказалась в довольно мрачном месте, которое с виду напоминало тот самый дом, где проживал Барышников вкупе с Ириной Тимофеевной, только на самом деле это был какой-то старинный замок графа Дракулы.

Я сидела на той же самой лавочке и занималась тем же делом – то есть своим шпионажем.

Пропосту говоря, фотографировала, несмотря на погоду, которая была точь-в-точь как за окном.

Трезвость мысли я при этом сохраняла, поскольку ворчала на Ларикова, отправившего меня фотографировать в такую дождливую ночь этот «бомонд».

Дверь скрипнула, и в проеме показались Ирина Тимофеевна со своей подругой. Лица подруги я не видела, так как она предусмотрительно закрылась от меня черной вуалью, а Ирина Тимофеевна была хорошо видна. Хотя она теперь была печальна и под глазами залегли черные

круги, я могла поклясться, что, когда ее никто не видит, она ухмыляется вампирской улыбкой, от которой в жилах леденеет кровь.

Они остановились, открыв дверь шире, и тогда...

Я застыла, чувствуя, как мое сердце замерло, а потом бешено застучало, потому что из дверей выносили огромный гроб, и я почему-то не сомневалась, что в этом гробу лежит Барышников собственной персоной.

Вся эта процессия остановилась и медленно развернулась ко мне.

Кровь застыла в моих жилах. Я боялась вздохнуть, но они смотрели на меня, и в их глазах полыхал дьявольский огонь.

– Отрезать ей голову, чтобы не совала свой нос в наши дела, – приказала Ирина Тимофеевна, сверкая единственным бриллиантовым зубом.

Я отшатнулась.

Они начали раскачивать гроб, а потом швырнули его прямо в меня.

Я заорала, пытаясь прикрыть лицо руками, и – проснулась...

За окнами продолжал моросить дождь. В комнате еще царила темнота, и часы показывали четыре утра.

Я с облегчением откинулась снова на подушки и пробормотала:

– Вот ведь какая гадость снится после общения с Ириной Тимофеевной!

Сейчас далекая от романтики реальность казалась мне восхитительной.

Я полностью окунулась в ее счастливое очарование и снова заснула, пожелав себе на сей раз обойтись без дурацких сновидений.

Глава 4

Утро, как ни странно, выдалось солнечным и спокойным, будто не было ночью этой дьявольской погоды, из-за которой меня мучили кошмары.

Несмотря на выходной, я рано проснулась, и от обилия солнечного света меня посетила нехорошая мысль, что я умудрилась проспять часов до двенадцати.

Я в ужасе подскочила на кровати и посмотрела на часы.

Уф!

Я плюхнулась назад, на подушку. Оказывается, просто сейчас стали рано зажигать солнце, Александра, объяснила я себе. Еще только половина седьмого утра, и ты можешь спать и дальше, поскольку сегодня «на дело» идет Лариков.

Я не то чтобы была злобной личностью с мстительными замашками, но отчего-то мысль о том, что сегодня полным идиотом будет выглядеть Ларчик, а не я, согрела мою душу.

«Вот ведь радость-то какая», – улыбнулась я. Пускай он там изображает из себя фотографа или выясняет подробности жизни господина Барышникова... Хотя к вечеру его вполне могут посетить разные дурацкие мысли, вроде вчерашней, но это ничего. Это можно перетерпеть...

Воспоминание о вчерашнем вечере в свете солнечных лучей потеряло свой жутковатый антураж, да и не волновало меня больше, зачем «кожаная леди» следила за Ириной Тимофеевой. По трезвом размышлении, я нашла кучу оправданий ее странному поступку.

Например, она тоже частный детектив, только ее нанял Барышников, которому кажутся подозрительными посетители Ирины Тимофеевны. А может быть, это все-таки ее внебрачная дочь, и она хочет понять, стоит ли ей намекать на родство или обойтись без того?

Чем дольше я раздумывала, тем меньше мне хотелось спать.

На кухне уже были слышны движения, мама встала. Судя по запаху, она теперь варила кофе.

Ко-фе...

Я вскочила на кровати, блаженно втягивая носом восхитительный аромат. Все мои благие порывы сесть на диету немедленно растаяли, уступая место единственному желанию – срочно рвануться на кухню, пока моя мамаша не выпила всю джезву, думая, что я сплю!

Одевшись, я выскочила на кухню.

Несчастливая мать, норовившая без меня испить кофейку, застыла, ошеломленная моим появлением. Так и хотелось мне злорадно воскликнуть: «Не ждали?!» или «А вот и я!» Второй вариант мне приглянулся больше, и я, картинно раскинув руки, гордо оповестила мою мать:

– А вот и я!

– Вижу, – кивнула она. – И почему ты так рано вскочила?

– Утро, – пояснила я.

– Понятно, что не вечер. Просто вчера ты просила тебя не будить, повторяя, что до вечера вряд ли понадобится Ларчику... Тебе не кажется, что это непоследовательно – вскакивать после этого ни свет ни заря? Нет, я знаю, что ты так вскакиваешь в день рождения, в нездоровом стремлении срочно проверить подарки! Но сегодня вроде бы не он.

Она преспокойно налила себе кофе.

– А мне? – спросила я.

– Послушай! – возмутилась мама. – Ты же вчера вечером клялась мне, что полностью отказываешься от кофе!

– Я не помню, что я вчера говорила, – нагло соврала я. – Может, у меня вчера был душевный катаклизм, а сегодня все встало на места? Зачем мне эта твоя диета? Я еще не очень растолстела...

– Когда ты растолстеешь совсем, твои усилия станут бесполезными, – сурово ответствовала мама, но все-таки налила мне кофе. – Впрочем, это твои проблемы. И Пенса. Я смирюсь с любым твоим внешним видом. Поскольку ты моя дочь все-таки... Что там вчера с тобой произошло, кстати? Почему у тебя случился «катаклизм»?

– Да ничего, – пожалала я плечами, отпивая глоточек из маленькой чашки. – Просто сейчас приходится работать на потрясающе неприятную личность, а это меня раздражает. Правда, Сережке Аристову еще хуже – по сравнению с Барышниковым моя Ирина Тимофеевна просто ангел во плоти.

– Аристов? Это тот, который с тобой учился? – уточнила мама.

– Ага. Он. Представляешь, теперь выдает Вийона за блатняк.

– Как это у него получается? Он его перерабатывает?

– Да нет, – отмахнулась я. – Он относит маэстро Барышникову «Баллады на цветном жаргоне», выдавая их за свои. А этот самый маэстро в свою очередь выдает за свое то, что ему приволок умненький Сережка! Правда, смешно?

– Да как-то не очень, – с сомнением проговорила мама. – А если все выйдет наружу? Сережа не боится?

– Нет, это вряд ли... Он мне объяснил, что этого Барышникова интеллигентная публика не слушает. А те, кто его слушает, не читают стихи. Так что вряд ли случится казус...

Я допила кофе.

Мама собиралась на работу, сеять доброе и разумное в совершенно неразумные души современных подростков.

– Ты дома будешь?

– Не знаю, – ответила я.

Сейчас мне уже не казалась такой классной идея проторчать целые сутки дома, когда за окнами сияет такое восхитительное солнышко.

– Тогда не забудь ключи, – предупредила мама, целуя меня в затылок.

– Не забуду, – пообещала я.

* * *

День был будним, Пенс на работе, и заняться мне до вечера было совершенно нечем.

Я немного послонялась по квартире, потом включила телевизор и честно посмотрела несколько идиотских клипов, где девушки бегали за юношами и наоборот, потом пощелкала по каналам и убедилась: стоило мне подобрать денек для безделья, они срочно отказались от хороших фильмов.

«Бойцовский клуб» я накануне отдала Пенсу, поскольку он его не посмотрел, поэтому у меня и кассет новых, как назло, не было.

Единственное, чем я могла себя развлечь, чтобы не сбежать от скуки в объятия Ларикова, это уткнуться в книгу, что я и сделала незамедлительно.

Потом я все-таки включила негромко телевизор, и теперь иллюзия одиночества растаяла.

Кто там пел, меня совершенно не интересовало, – я уже путешествовала вместе с Борхесом в тайнах нашего сознания, отчаянно рискуя подпасть под обаяние хорошего языка и пленительных фантазий, навеки оставшись там.

Мне было хорошо. Так как я отказалась от диеты, у меня появилось право на кофе, и от этого было радостно на душе.

В этом, наверное, и заключается радость бытия – пригрозить своему организму диетой, а потом отменить собственное «табу».

В тот момент, когда я встала с твердым намерением побаловаться кофе с сигаретой, на экране возникла круглая физиономия с плешивой бородкой и хриплым, занудным голосом

затянула сентиментальную балладу о любви, сгубившей начисто фраера. Титры внизу поясняли, что передо мной Барышников собственной персоной. Зная, что тексты ему пишет мой бывший сокурсник, я живо заинтересовалась, да и сам Барышников мне за вчерашний день стал почти родственником.

Поэтому я снова села на место, решив, что кофе от меня не убежит.

Надо сказать, Аристов писал не без таланту, правда, талант этот он разбрасывал, прямо как бисер перед свиньями. Но в целом я отметила, что даже Барышников с его влажными от пьяноватых слез глазами не в состоянии испортить некоторые удачные строчки.

Лицо же господина Барышникова мне не особенно понравилось – ну это и не обязательно. Что-то в его физиономии было неприятное, тяжелое и отталкивающее. От полноты щек и губ, равно как и от слезливости голоса и взгляда, в его лице присутствовало нечто бабье, именно – не женское, а что-то от пошловатой вокзальной буфетчицы, у которой «не сложилось».

А из светской хроники я знала, что наши дамы от этого неприятного типа млеют!

Все-таки странен народный вкус, вздохнула я, поднимаясь.

Слушать его мне быстро надоело, и я отправилась на кухню, оставив его завывать о несчастной доле в полном одиночестве.

«Интересно, как себя сейчас чувствует Ларчик в моей шкуре?» – подумала я.

Впрочем, тут же одернув себя...

Каждому свой удачный денек и каждому свой неудачный. Конечно, я от души ему сочувствую, но ведь он сам ратовал за участие в этом глупейшем предприятии?

Вот пусть и мучается, раз ему так этого хотелось!

* * *

А Лариков в это время и впрямь изнывал.

Целый час уже он сидел на скамейке и чувствовал себя самым несчастным существом на свете.

Он не любил попадать в нелепые положения, а теперь признавал, что так-таки в него он и вляпался, причем по доброй воле.

Дом выглядел полусонным, никто оттуда не выходил, а уж тем более не входил, и, старательно изучив орнамент на цоколе, Лариков начал склоняться к мысли покинуть пост и объяснить настойчивой клиентке, что дама в коже, так ее интересующая, просто поклонница Барышникова и никакие террористические акты она не замышляет.

Он даже встал, потянулся, сделал шаг и вдруг застыл как вкопанный.

Потому что в этот момент из-за угла вырулила эта самая дамочка собственной персоной.

Лариков сделал шаг назад, пытаясь спрятаться в тени еще совершенно лысого дерева, но быстро понял, сколь глуп его замысел, и просто сел опять, уткнувшись в газету, которой он запасся для конспирации, пока шел на «шпионское задание».

«Кожаная леди» вошла во двор, оглянулась на Ларикова, но, явно решив, что он не представляет для нее никакой опасности, остановилась неподалеку, задрав голову. Ее взгляд был направлен прямо на окна Барышникова, и Ларикову на мгновение показалось, что это не обычная дама, а терминатор, который сейчас расплавит стекла и сожжет своей яростью несчастного «тюремного воспевателя».

Впрочем, ничего подобного она не сделала.

Постояв еще несколько мгновений, она развернулась и быстрыми шагами отправилась прочь.

Подождав секунду, Лариков вышел вслед за ней, стараясь не терять ее стремительную, торпедную фигуру из вида.

* * *

К концу второго часа безделья я окончательно поняла, что от него устает так же, как и от самой тяжелой работы.

Скука действовала на меня, как таблетка димедрола, – мне хотелось спать.

Не спасал даже кофе, поэтому я плюнула на то, что еще вчера объявила сон «потерей жизненного времени», и устроилась на диване, старательно таращась в телевизор.

Звонок в дверь прозвучал, когда я наполовину отплыла в объятия Морфея и чувствовала себя сонной, как зимняя муха.

В дверь продолжали звонить, и я потянулась, поднимаясь с дивана.

– Нет, сегодня все против меня, – проворчала я. – Когда я не хочу спать, никто не спешит ко мне, а как только я решила предаться сну, начинают трезвонить в дверь, как на пожаре! Наверняка это Лариков!

Открыв дверь, я удивилась.

Поскольку на пороге был вовсе не Лариков, а Сережа Аристов собственной персоной, и выглядел он ужасно встревоженным.

– Привет, – протянула я. – Честно говоря, не ожидала тебя увидеть. Ты еще помнишь мой адрес?

– Конечно, – выдавил он из себя улыбку. – Как же я могу его не помнить?

– Проходи, – пригласила я его в комнату. – Я сварю кофе. Что-то случилось?

– Не знаю, – прошептал он, плюхаясь в кресло с такой силой, что старенькое кресло надрывно вскрикнуло. – Не знаю, Саша. Но... Боюсь, что может случиться!

Он выглядел несчастным и напуганным.

– Тебе необходимо выпить кофе и прийти в себя, – решила я, наблюдая, как дрожат его руки. – У тебя расшатаны нервы.

– Знаю, – грустно усмехнулся он. – Но я постоянно живу в напряженном ожидании беды, понимаешь, Саша? Сколько может выдержать человек такое высоковольтное напряжение?

– Вообще-то человек выносливее мула, – заметила я. – Но это смотря какой человек. В данной ситуации я не могу судить – просто потому, что не знаю, что с тобой такое ужасное должно произойти.

– Не со мной, – замотал он своей лохматой головой. – Если бы со мной, я бы так не дергался...

– А с кем? – спросила я. – Ладно, потерплю. Сначала принесу тебе кофе, потом ты приведешь в порядок свою способность связно излагать мысли, и тогда...

– Не надо кофе, – отмахнулся он от проявлений моей вежливости. – Маринка сегодня не ночевала дома, и теперь я за нее страшно боюсь!

* * *

«Кожаная леди» двигалась по проспекту, с изяществом и быстротой скользя в толпе.

Лариков почти бежал за ней и чувствовал себя при этом как в сафари, когда охотник охотится за ланью.

Его «лань» явно ускользала, потрясая его воображение умением двигаться с грациозной быстротой, которой недоставало его длинной фигуре.

На какое-то мгновение ему даже показалось, что она выпала из поля его зрения.

Он начал вертеть головой, пытаясь найти легкую фигурку, и почти впал в отчаяние, так как ее нигде не было видно.

Но вот он ее увидел, плавно передвигающуюся уже по другой стороне проспекта.

Вздыхнув с облегчением, он перебежал туда же и теперь преследовал даму почти в затылок, догнав ее.

Она явно не замечала его, всецело отдавшись собственным мыслям. Теперь ему прекрасно был виден ее профиль – особенно когда она остановилась возле подъезда, как бы размышляя, стоит ли туда заходить.

Лариков признал, что профиль у этой особы красивый, с точеным носиком, плавной линией подбородка, и если бы не плотно сжатые губы, Лариков мог бы отнести обладательницу столь замечательного профиля к самым прелестным девицам.

Однако он не мог обманываться – так губы обычно сжимают властные особы с не очень-то покладистым характером.

Девушка тем временем вошла в подъезд, куда спустя несколько секунд вошел и Лариков, и поднялась на второй этаж.

Через некоторое время Лариков услышал звук открывшейся двери, и мужской голос спросил:

– Ну, как? Все в порядке?

Что ответила девушка, Ларикову расслышать не удалось. Дверь хлопнула.

Поднявшись на второй этаж, Лариков остановился.

Судя по звуку, она вошла в правую дверь.

Он посмотрел в ту сторону и остолбенел.

– Ничего себе фишка, – пробормотал он озадаченно.

На двери красовалась табличка. Прочитав ее, Лариков присвистнул. Вот уж такого поворота событий он никак не ожидал!

* * *

– Честно говоря, я не могу пока понять, почему ты так волнуешься, – призналась я. – Твоя Марина девушка взрослая.

– Взрослая, – согласился Аристов. – Но она не может отсутствовать ночью просто так!

– А если ты просто ревнуешь? – предположила я. – У нее есть ведь, наверное, подруга?

– В том-то и дело, что я уже говорил с ее подругой! – вскричал фальцетом Аристов. – И она ничего не знает. Так что...

– Знаешь, Сережа, давай-ка выкладывай все ваши тайны, – попросила я. – А то я ничего не могу понять! Почему ты начинаешь сходить с ума и подозревать черт знает что? У тебя есть основания? Тогда изложи мне их, хотя бы вкратце, но лучше подробнее. И мы станем думать вдвоем. Но думать нам придется в свободное от работы время, поскольку мой драгоценный босс вряд ли согласится с моим бесплатным трудом. Не то чтобы он был алчным, а просто он считает, что наша работа должна оплачиваться. Поскольку он хочет кушать, и осудить его за это в эпоху беспросветного рынка трудно!

– Сколько? – хрипло спросил Аристов.

– Что – сколько? – Сколько я должен заплатить?

– Если мне, то ничего! А ему... Но ты ведь не к нему пришел?

Мне совсем не хотелось пугать несчастного Сергуню огромной суммой нашего гонорара.

– Если Маринка не появится до сегодняшнего вечера, мне будет нужна ваша профессиональная помощь, – проговорил он. – И ваше рабочее время. Так что можешь пугать меня астрономической суммой. Думаю, я смогу ее достать, сколь бы велика она ни была!

В его взгляде появилась мрачная решимость, и я сдалась.

– Двести баксов в сутки, – сказала я, отчаянно краснея.

Вот сейчас он станет кричать, что мы «акулы капитализма», стучать ногами, а то и вовсе презрительно сплюнет и уйдет восвояси, так и не осчастливив меня «Цветными балладами».

Да и моя самооценка после этого изрядно пострадает, а я и так склонна к комплексу неполноценности!

Он молчал, обдумывая мое заявление.

– Если хочешь, я скину свою часть, и ты будешь платить только Ларчикову долю, – робко кашлянув, предложила я.

– Да нет, – отмахнулся он. – Я наскребу эту сумму. Хотя я бы предпочел, чтобы сегодня она появилась. Не потому, что денег жалко, а...

Он не договорил. Да и не надо было.

Я мягко дотронулась до его руки и сказала:

– Давай надеяться именно на это. Ведь всегда надо надеяться на лучший вариант! Даже в безнадежной ситуации...

Он благодарно улыбнулся.

– Ладно, тащи свой кофе, а я пока подумаю, с чего мне начать эту печальную повесть о моей Маринке...

Он пытался казаться спокойным, но это давалось ему с трудом.

«Да уж, – подумала я. – Хоть бы она и правда сегодня вечером появилась...»

Хотя я и не верила, что с Мариной что-то случилось, я бы предпочла убедиться в этом как можно скорее.

А то повышенная нервность моего гостя начала передаваться мне.

* * *

К полудню Андрей Лариков уже знал, кто такая дама в кожаном, и даже прикидывал, как бы ему с ней познакомиться поближе, поскольку сия особа заинтересовала его сверх ожидаемого.

После долгих скитаний за прелестницей Лариков в конце концов оказался перед домом, в подъезде которого она укрылась от его глаз очень надолго.

Вот там-то от женщины, которой он помог вытащить коляску с ребенком на улицу, он и узнал, что дамочку эту зовут Лиза Борисова, она проживает в сто пятнадцатой квартире совершенно одна, поскольку недавно развелась. То, что она развелась, особенно увлекало лариковскую собеседницу, так как, по ее убеждению, все дело было в работе. Приняв Ларикова за Лизино поклонника, она сочла необходимым предупредить несчастного, что Лиза работает «частным детективом», и какому же мужику понравится, когда его супруга, вместо того чтобы спокойно сидеть дома и варить щи, носится по городу, выслеживая каких-то преступников?

В общем, с женщиной этой Ларикову повезло несказанно, и после получасового общения он уже знал все о привычках своей неожиданной коллеги, вплоть до ее увлечения китайской гимнастикой и стрельбой из лука.

Теперь, когда его мытарства неожиданно привели к столь неплохим результатам, дело оставалось за малым.

Выяснить, чего хотел от Лизы Борисовой профессор консерватории Овсянников, в чью дверь она звонила недавно.

И, так как ничего другого он придумать не мог, он просто шагнул в лифт, и через несколько секунд уже нажимал кнопку звонка сто пятнадцатой квартиры, придумывая проблему, приемлемую для Лизиних доверчивых ушей.

Глава 5

За моим окном какой-то болван стучал по железке, и поэтому последние слова Аристова я не расслышала.

– Подожди, – попросила я. – Повтори еще разок, а то я оглохла от этого набата!

– Последнее время она была странная, – уже громче повторил Сережа. – Я думаю, он к ней начал... приставать, а еще вернее, помогать ей. До этого мы приходили вместе, а тут вдруг он изменил свои привычки, сказав, что, когда мы приходим поодиночке, ему удобнее...

Болван за окном не унимался.

– Я его, наверное, пристрелю, – мрачно пообещала я.

– Да не обращай внимания. – Сережка был настроен терпимее меня.

А у него-то нервы сейчас в более плачевном состоянии, между прочим, попробовала урезонить я себя.

– Тогда говори громче!

– Я и так кричу, – слегка обиделся он.

– Ладно, проехали... Рассказывай дальше.

Пока я не очень понимала, что заставляет его так волноваться. К сотням девушек пристают старые козлы, и никто по этому поводу не обращается к частным детективам, разве не так?

– Не знаю, верно ли мое предположение, потому что последний раз она вся дрожала. Я спросил ее напрямую, а она почему-то рассмеялась и сказала, что я этого не пойму. Никто, по ее словам, к ней и не думал приставать, этот Барышников вообще импотент скорее всего, и дело совсем не в этом. И даже вроде как не в Барышникове. В совершенно другом человеке... И еще она сказала: «Сереженька, я теперь небезопасный попутчик. За мной, похоже, следят, и я не знаю, чем вся эта история закончится. Наверное, мне надо с кем-то посоветоваться, но не с тобой. Потому что я за тебя боюсь, понимаешь?» – «Тебе что, угрожает опасность?» – спросил я. Она вздохнула так странно, будто делала дыхательное упражнение, – с шумом и пожала плечами. «Я ничего не знаю, – сказала она. – И самое мерзкое – не могу понять, угрожает мне опасность или это просто паранойя...» Больше я от нее ничего добиться не смог. Вечером мы собирались пойти на концерт, но она не пришла. Не позвонила и ничего мне не объяснила, хотя это совершенно не в ее правилах! Я проторчал около консерватории битый час, а потом пошел к ней. Она живет недалеко, прямо на проспекте. В одном из старых домов – знаешь? Там рыцари на крыше с мечами... Рядом ресторан.

Я вспомнила свою ночную встречу с разудалой компанией. Вспомнила девушку в кожаной куртке и невольно вздрогнула от такого странного стечения обстоятельств.

Впрочем, это ведь только совпадение...

– Так вот, я пришел туда, но ее не было! Более того, ее отец сказал мне, что сам волнуется, потому что Марины не было дома с утра. То есть с того момента, как мы расстались, она дома не появлялась. Я зашел к ее подруге, но и она ничего о Марине не знала. А сегодня утром я узнал, что она и дома не ночевала...

Он налил в стакан воды и выпил ее залпом.

– И я теперь очень боюсь за ее жизнь, Сашка! Мне так страшно, как никогда еще не было, честное слово!

* * *

Лариков нажал на кнопку звонка, и тут же послышались легкие шаги.

Дверь открылась, и Лариков почувствовал себя весьма странно – словно что-то внутри его растаяло под внимательным и слегка настороженным взглядом этих огромных синих глаз.

– Добрый день, – пролепетал Лариков, чувствуя себя полным идиотом. – Мне нужна Елизавета Борисова.

– Это я, – кивнула девушка.

Лариков собрался с силами и, стараясь не смотреть в ее сияющие глаза, чтобы не раствориться в их глубине, с сомнением спросил:

– Вы – частный детектив?

– Да, хотя мне и не нравится это определение, – развела она руками.

Руки у нее были красивые, с точеными и тонкими пальчиками и узкими ладонями.

– Мне посоветовал обратиться к вам Овсянников, – назвал Лариков фамилию того, к кому она только что приходила.

– Проходите, – пригласила она его в комнату. – Кофе будете?

Лариков с трудом удержался от нервного смешка.

Все детективы похожи друг на друга, подумал он. Сейчас она скажет, что ее труд очень дорого стоит. Что она берет двести баксов в сутки, и это не так уж и много за те усилия, которые она тратит...

Он еще не решил, какую ерунду придумать, старательно вспоминая все дела, которые ему приходилось вести, но, как назло, голова была совершенно пустой.

Тем временем Лиза уже вернулась с кофе и теперь внимательно смотрела на него, чего-то ожидая.

Наконец она слегка улыбнулась и спросила:

– Ну? Так почему вы за мной следили?

* * *

Я понимала, что Сережа действительно взволнован.

– Почему бы тебе не обратиться в милицию? – спросила я и тут же поняла, что сморозила глупость.

Он усмехнулся:

– Во-первых, ты не хуже меня знаешь, что искать человека начинают только спустя трое суток. А во-вторых... Как я это скажу? Простите, вполне взрослая леди не ночевала дома? А почему к нам не обратились родители пропавшей – я не могу знать! Как они ко мне отнесутся?

– Да не очень вежливо, – согласилась я. – Ладно, Аристов. Я чего-нибудь придумаю. Если к ночи твоя красавица Марина не объявится, будем напрягать извилины...

– А сейчас?

– Сейчас, Сереженька, я могу сказать то же самое, что милиционеры. Девочка взрослая. Может быть, она сейчас отсутствует в связи с романтическим приключением, и к вечеру она объявится дома как ни в чем не бывало. А мы будем выглядеть идиотами!

– Лучше все-таки выглядеть идиотами, чем помощниками преступников, – пробурчал Аристов.

– Сережа! – одернула его я.

Ну как мне ему объяснить, когда у него нервы на пределе?

Он боится за нее так сильно и в то же время не смог мне объяснить почему!

То есть наворотил кучу каких-то туманных предположений, из которых я смогла понять очень мало, и хочет теперь, чтобы на основании этого я вывела целую логическую цепочку?

Хотя, если разобраться, он ничем не отличается от большинства нашей клиентуры!

– Ладно, давай поступим так, – предложила я ему. – Ты даешь мне сейчас адреса родителей и этой самой подруги.

– Но они вряд ли скажут тебе что-то новое! – округлил он глаза.

– Послушайте, не учите меня жить, Киса, – ласково улыбнулась я. – Кто из нас к кому пришел за помощью? Я к тебе или ты ко мне? Далее... Тебе придется лишиться корочки хлеба на время.

– Это как? – испугался он.

– Просто. Ты отведешь меня к Барышникову, и я буду относить ему стихи Франсуа Вийона, выдавая их за свои. Не волнуйся, деньги я отдам тебе. Просто мне надо поближе познакомиться с нашим «главным героем». Иного выхода я пока не вижу. Вряд ли этот тип будет откровенничать с частным детективом! – Он и с «автором» не будет, – хмыкнул Сережка. – Он вообще на людей смотрит, как на интерьер. Так что зря ты думаешь, что Барышник станет вести с тобой задушевные беседы.

– А это уж посмотрим. К тому же я смогу хотя бы узнать, ведома ему Маринина судьба или нет. То есть насколько господин Барышников причастен к ее исчезновению. И чем они таким пугающим бедных девушек занимаются... Согласись, это нам тоже интересно!

* * *

Она смотрела на него со спокойным любопытством.

– Простите? – переспросил растерявшийся Лариков.

– Зачем вы за мной следили весь день? – четко произнося каждое слово, повторила она. – Вы ведь не влюблены в меня, верно? И убивать меня тоже не собираетесь... Тогда почему вы изображали из себя «разведчика»?

Он попытался скрыть смущение за смешком, но вышло еще глупее.

– А зачем следили за господином Барышниковым вы? – перешел он в нападение, вспомнив, что это лучшее средство обороны.

Она рассмеялась.

Господи, у нее и смех был каким-то особенным – словно колокольчики зазвонили... Лариков сжал вспотевшие от волнения руки в кулаки, пытаясь побороть наваждение.

«Ты же не Саша, которая влюбляется направо-налево, – строго напомнил он себе. – Сохраняй благоразумие...»

Приказывать было легко, а вот с выполнением выходила незадача.

Прекрасная сыщица уже проникла в его душу. И отлично это понимала, судя по ее насмешливому взгляду.

– Я следила за кем? – переспросила она. – Ах, за Барышниковым... Вот уж это не ваше дело!

– А если я вам скажу, что меня как раз просили узнать, кто вы такая? Что я тоже представляю интересы клиента? – не выдержал он.

– Ну, так вы выяснили, кто я, – лукаво проговорила она. – Остальное, вы уж меня простите, я вам открывать не хочу. Поскольку человек, от лица которого вы взялись выступать, мне совершенно несимпатичен... Более того, я надеюсь через недельку посадить за решетку эту светлую личность, и вряд ли я буду плакать по этому поводу!

Она явно забавлялась моментом.

А Лариков таял, как мороженое на солнце, чувствуя себя счастливым идиотом, наконец-то нашедшим то, что долго искал.

Девушку, похожую на Венеру Боттичелли, с такой внешностью выбравшую самую мерзкую, на его взгляд, профессию. Его профессию. Частного сыскаря.

* * *

Я не люблю долго раздумывать.

Иногда мое чересчур быстрое «действенное реагирование» совершенно не приносит пользу, скорее наоборот – сплошной вред, но я ничего не могу с этим поделать! Ноги сами несут меня навстречу трудностям, которые я сама себе и создаю.

Вот и сейчас в моей голове созрел план, и я отдалась ему полностью, уже представив себя в роли коварной обольстительницы несчастного Барышникова.

Как птица, я взлетела со стула и, радостно мурлыкая, начала коренным образом менять свою внешность.

Конечно, будь у меня силиконовые губищи, я куда более соответствовала бы образчику «обольстительницы». Но увы – внешность у меня типичная для рыжеволосой девицы, то есть не яркая. Правда, мои светлые ресницы можно подкрасить, и тогда становится хотя бы понятно, что они длинные. Более того, глаза становятся ярче и глубже... Ну, вот. Вполне красивенькая барышня получается под действием «мейбелиновской» туши. Проблему с губами я тоже разрешила довольно быстро – хотя они и не потрясли сексуальной припухлостью, но вышло ничего. Что бог дал, то у меня, в конце концов, и есть. Например, кудри мои рыжие – распущенные по плечам, в свободном полете, они призваны будоражить воображение мужчин. А если не будоражат, это уже проблемы мужчин. Значит, у них не все в порядке с эстетическим вкусом.

Сережка наблюдал за моими действиями с легким испугом.

– Что это ты собираешься сделать? – поинтересовался он робко.

– Отправиться прямиком в лапы к ужасному Барышникову, – пояснила я, деловито взбивая волосы. Теперь они выглядели изящно взлохмаченными.

Я оглядела себя и поняла, что почти удовлетворена своим внешним видом. Вот только надо продумать туалет.

Конечно, надевать «французское» платье не стоит. Человек сразу почувствует, что на него объявлена охота, перепугается насмерть, и я буду вынуждена смириться с поражением.

Так что...

– Будь проще, и люди к тебе потянутся, – напомнила я себе главный жизненный постулат моей мамы.

Поэтому я надела свои обтягивающие джинсы и белый свитер.

Осмотрев себя в зеркале во всех ракурсах, я удовлетворенно улыбнулась.

Если Саша захочет, она, оказывается, может выглядеть вполне сексапильно. И мордашка у нее вон какая славненькая!

– Ты хочешь прямо сейчас? – снова спросил Аристов.

– А чего тянуть? – коварно улыбнулась я. – Перед смертью, милый мой, не надышишься. А твою Марину искать надо. А то вдруг ее уже выдали замуж за чеченского террориста, и теперь несчастная бродит в чадре по пояс и оплакивает свою потерянную свободу.

– Ну у тебя и фантазия! – испугался Аристов. – Туда-то они ее зачем отправят?

– Откуда мне знать? – пожала я плечами. – Знаешь, Сереженька, уж сколько времени я работаю с преступными элементами и все же вынуждена признать, что их психика остается для меня полнейшей загадкой!

По радио БГ запел свою новую песенку «Саке».

Я покружилась, подпев ему, и, когда он запел «красный цвет тайны», я поняла, чего мне не хватает в туалете.

Этой самой тайны красненькой и не хватает!

Какая ж сексуальность без легкого налета тайны?

Быстро придав себе «таинственность» с помощью изящного маминого шарфика с кровавыми розами, я причмокнула.

– Ну, если после всего этого твой идиот Барышников не влюбится в меня по уши, он будет полным тормозом! – торжественно объявила я и повелительным жестом позвала беднягу Аристову следовать за собой.

* * *

«Похоже, играть с этой особой глупо».

Лариков посмотрел на очаровательную сыщицу. Она улыбалась и с таким же откровенным любопытством разглядывала Ларикова.

Следующая мысль, возникшая в его голове, просто потрясла легкомыслием, ранее ему совершенно не свойственным. «Да что это со мной?» – испугался он. Лариков поймал себя на том, что его ужасно интересует: нравится ли он, Лариков Андрей Петрович, очень серьезный молодой человек, этой голубоглазой красавице?

Вот наваждение...

Он потер ладонью лоб, словно пытаясь соединить снова тонкие проводочки здравомыслия, и поднял на нее глаза.

– Ну, хорошо. Пожалуй, я вам расскажу. Я тоже частный детектив.

– Это я поняла, – кивнула она, прекрасно видя его состояние и забавляясь им. – Так кто же ваш клиент? Господин Барышников? Я напугала бедняжку?

– Нет, не он. Напротив, по мнению моего клиента, Барышников странный и опасный тип...

– Да бросьте, – рассмеялась она. – Барышников – обычный бурдюк, набитый дурными и похотливыми мыслями. Опасность он представляет только для невинных барышень, не знающих, как постоять за себя! Право, ваш клиент прокалывается! Я могу рассказать вам о Барышникове все, в мелких подробностях, если хотите. Причем даже любезно не возьму с вас ни копейки, потому что Барышников слишком неинтересен, чтобы им заниматься! Кстати, как вас зовут?

– Андрей, – несколько поспешно представился он.

– Меня зовут Елизавета Максимовна, – сообщила она. – Ну, так вот, Андрей... Барышников ваш – довольно примитивный типчик с дежурным набором пороков и страстей той самой «грязи», которая выперлась в князи. Любит жрать водочку по баням с девочками, водит знакомства с «уголовными бизнесменами» и имеет проблемы с предстательной железой. Один симпатичный парнишка по имени Сережа пишет тексты для его «нетленных шедевров», а прелестная девица Марина эти тексты потом аккуратненько накладывает на музыку. После чего Барышников выползает в студию или там на концерты и со слезой в голосе исполняет эту «порнуху» на радость своим собутыльникам. В принципе, все довольны и счастливы, и никого он не собирает ни грабить, ни убивать. У него достаточно денег, чтобы регулярно иметь проблемы со «стулом»... Я удовлетворила ваше любопытство?

В ее глазах сияли насмешливые искорки.

– А могу ли я поинтересоваться, кто там интересует вас? – спросил Лариков, делая глоток из чашки.

– Ага, – рассмеялась она. – Вот мы и подошли к главной проблеме. Что интересует в достославной компании Елизавету Максимовну Борисову? Врать вам, что я ищу утраченного мужа, глупо, да?

– Вы догадливы.

– Посылать вас подальше мне не хочется, – призналась она. – Чем-то вы мне нравитесь. Ну, хорошо. Может быть, вы даже сможете оказаться мне полезным. Поэтому я рискну.

Она встала и подошла к стеллажам.

– Этот дом – вот что меня интересует, – задумчиво сказала она. – Все его обитатели вместе. Меня интересует один вопрос – один-единственный, но чрезвычайно опасный. Потому что, если мои предположения верны, я смогу прижать их так, как им и не снилось.

– И в чем же дело?

– А вот этого я не знаю, – развела она руками. – Честное слово. Просто все жильцы этого дома отличаются одной маленькой общей черточкой. Все они «засветились», каждый в свое время, тесной связью с неким господином Байсаровым. А вчера вечером я смогла увидеть их всех вместе в небольшом, но весьма аванжном ресторанчике вместе с означенным господином. Всех, кроме вашего совершенно невинного Барышникова.

Лариков вспомнил, кто такой Байсаров, и почти испуганно посмотрел на храбрую девицу.

– Подождите, это тот тип, которому принадлежит «Моргана»? – Ну да. И не только этот кретинский супермаркет. Иногда у меня возникает подозрение, что господину Байсарову принадлежит весь город!

– Но почему вы так относитесь к этой компании? Что странного в том, что они дружны с этим крупным бизнесменом, если все они...

– Из одной шайки, – кивнула Лиза, насмешливо улыбаясь.

– Байсаров не уголовник.

– О да, – согласилась Лиза. – Он не уголовник. Он куда хуже...

* * *

Разгуливать по городу в обличье очаровательницы и сердцеедки мне даже понравилось.

Правда, почему-то повышенное внимание ко мне мужской части населения смущало бедного Аристова, который краснел и так стеснялся, будто это внимание было адресовано ему. Но мне было недосуг ему сочувствовать, я нахальным образом упивалась произведенным эффектом.

Пробежав по проспекту, мы уже выруливали к дому Барышникова, как вдруг Сережка приостановился и потянул меня за руку.

– Сашка, – взмолился он. – Давай выкурим по сигаретке, а то я сейчас умру от разрыва сердца!

Мы присели на подвернувшуюся лавку, и я достала сигареты.

– Ты так боишься этого типа? – поинтересовалась я.

– Да нет, просто...

– Опасаешься, – кивнула я.

– Нет, не опасаюсь! – раздраженно воскликнул он. – Я его просто не люблю. И не знаю, что он способен выкинуть! И потом – ты же сама предлагала мне дожидаться вечера. Может быть, Маринка появится, и все наши авантюры будут выглядеть как полный идиотизм!

– Да они и так выглядят как идиотизм, – успокоила я его. – Так что нам совершенно нечего терять. Пошли, ты уже обкурился и посинел!

Я дернула его за руку, и он поднялся, покорный моей воле.

Оставшийся путь мы проделали в молчаливом сопении, и когда наконец перед нами возник искомый домик, я приостановила наш бег и выдохнула:

– Ну, вот! Подвиги начинаются! Всем приготовиться! К атаке!

И, быстро взбежав по лестнице, нажала на кнопку домофона.

Глава 6

– Собственно, дело не в одном Байсарове, – пояснила Лиза, закуривая сигарету.

Лариков и не знал, что можно так изящно курить. Вот Саша – она обычно пыхала сигаретой, как паровоз, торопливо заглатывая дым. При этом она смешно надувала щеки, и Лариков не сдерживался, начинал ржать.

А Лиза...

Она прикоснулась кончиками губ к фильтру, как бы целуя древнюю амфору. Ее движения были так аристократичны, будто перед Лариковым возникла собственной персоной Мария Стюарт – с изящными пальчиками, тонкими запястьями и стройными, длинными ногами.

Дело было не в косметике – Лариков был уверен, что и без этого Лиза прекрасна.

Он так любовался ею, что пропустил мимо ушей добрую половину рассказа о зловредном Байсарове, очнувшись лишь в тот момент, когда Лиза, заметив его невниманье, насмешливо сказала:

– А вам это, похоже, неинтересно...

Лариков хотел воскликнуть: «Отчего же! Все, что вы делаете, мне интересно!» Но тут же одернул себя, признав с тоской, что влюбленный детектив – это пропащий детектив.

– Простите, я... немного задумался, – покраснев, пролепетал он.

Лиза рассмеялась, пустив в очередной раз по комнате звон маленьких колокольчиков, и Лариков с ужасом понял, что краснеет еще гуще – проще говоря, становится уже пунцовым.

– Так вот, меня интересует странная связь между этими людьми и исчезновением пятерых представителей «неимущего» класса... Я хочу ее нащупать, понимаете? И все это крутится вокруг Байсарова и его подруги! Самое мерзкое в этой истории то, что, являясь сейчас фактически независимым следователем, я не так уж много могу! У меня связаны руки, и меня это ужасно злит! А злиться я не люблю, потому что в такие моменты я не могу сохранять трезвость мысли!

Она вдавила окурок с такой яростью в симпатичную мордантию, изображенную на дне пепельницы, что Лариков невольно вздрогнул. Мордантия, несмотря на такой жест, продолжала глупо улыбаться. Судя по безмятежности реакции, такое обращение не было ей в новинку.

– А тут еще являетесь вы и какая-то странная рыжая девица, торчащая перед домом, и начинаете мне мешать!

– Постойте, – взмолился Лариков. – Да почему же мы вам мешаем? У нас свои проблемы!

– Ага, выследить меня и сдать этим нехристям, – саркастично усмехнулась Прекрасная Лиза. – Вы хотя бы понимаете, что с вашей помощью они хотят выяснить, кто я такая, и наехать на меня? Я и так маскируюсь под «нуворишку», затягиваясь в этот омерзительный кожаный прикид!

Он осмотрел ее изящные ножки в кожаных брючках и заметил:

– Отчего же омерзительный? Вам безумно идет кожа!

– Да я ее ненавижу! Я истратила на этот идиотизм целое состояние, в то время как куда с большой охотой купила бы себе новые джинсы, или хороший комбидрес, или вообще купила бы лучше телевизор! Как они в этом ходят? Ума не приложу!

Она поморщилась и закурила новую сигарету.

– Так чего вы хотите сделать, когда сумеете их поймать? Сдадите милиции?

Она раскрыла свои синие глаза, от чего они стали огромными, и рассмеялась.

– Я похожа на идиотку? – тихо спросила она. – Зачем? Чтобы нищий мент с плохонькой зарплатой был тут же куплен Байсаровым за бесценок? Нет, Андрей! Я собираюсь поступить куда подлее! Я продам их одному человечку, который согласен заплатить мне за эту компанию большие денежки, поскольку ему мешает Байсаров. Что он с ним сделает – его проблема!

Может быть, заплатит нашему бедолаге милиционеру больше, чем Байсаров, и предоставит ему сведения. Просто пристрелить их всех он не может, поскольку вообще не любит убивать. Впрочем, это уже не моя забота. Я продам ему эту когорту негодяев, получу деньги и смоюсь из Тарасова. Но как я могу все это сделать, если вы крутитесь у меня под ногами? Да еще стали прямой угрозой для моей жизни! Вы сдадите меня этой вашей толстой Ирише, и завтра Байсаров прихлопнет меня, как муху!

Эта возможность Ларикова так испугала, что он побледнел. Такую красавицу? Нет! Никогда!

– А если нам работать вместе? – предложил он поспешно, сам испугавшись собственной смелости. – Мы ведь можем это сделать вместе! И нам будет легче...

– Не знаю, – с сомнением проговорила Лиза. – Надо подумать...

Но Лариков уже загорелся возможностью подольше лицезреть на своем жизненном небосклоне эту женщину с яркими синими глазами.

* * *

На мои призывы открыть «врата замка» никто не реагировал. Естественно, моя услужливая фантазия уже начала рисовать ужасные картины – например, как мастер «русского шансона» хлопочет на кухне, раскладывая останки несчастной Марины по баночкам и бальзамируя их, как в фильме ужасов. На губах его безумная улыбка, а очи пусты и бездонны. Или сам он возлежит на атласных покрывалах, бессмысленно тараща в потолок маленькие глазки, с кинжалом в груди, а по золотистому покрывалу стекают ручейки его крови.

Не знаю, что воображал себе Аристов, но уж ничего хорошего, судя по его виду. Он напомнил мне картину «Иван Грозный убивает своего сына»: глаза вытаращенные, волосы всклокоченные, и по бледности его щек я заподозрила, что, если все-таки на наш звонок среагируют, мне придется тащить его на верхний этаж на своей спине, поскольку он собрался упасть в обморок.

– Может, его нет дома? – предположила я.

– Этого не может быть, – покачал головой Аристов. – Он болеет. Я вчера слышал, как он говорил кому-то по телефону, что никуда не уйдет, потому что у него приступ почечных колик. Он так боится этих приступов, что никуда не выходит в эти моменты.

– Ну, так его могла увезти «Скорая», – обрадовалась я хоть такому прояснению ситуации. – Пойдем, хотя мне, конечно, жаль. Я так готовилась к этому визиту, и мне чертовски обидно, что наше randevu не состоялось.

Я вздохнула. Неизвестно еще, получится ли у меня этот фривольный облик второй раз?

Но стоило мне повернуться спиной к проклятой двери, как там что-то щелкнуло и она открылась!

– Ну, вот видишь, – похлопала я по плечу моего спутника. – Он дома, и все нормально. Сейчас мы попытаемся все узнать, и ты наконец-то перестанешь производить на меня впечатление человека, которому объявили, что завтра его ждет электрический стул.

Я вошла в подъезд. Аристов робко шагнул за мной, в очередной раз удивив меня тем неоспоримым фактом, что большинство мужчин куда трусливее женщин.

Вот ведь вроде бы выше нас, сильнее физически, а готовы упасть в обморок в самый неподходящий момент!

Я то и дело оборачивалась на него, и каждый раз он взирал на меня почти с благоговейным ужасом, будто перед ним была не скромная его знакомая Саша Данич, а Орлеанская дева собственной персоной.

Так мы и поднимались вверх по лестнице, пока не предстал нашим встревоженным очам хозяин квартиры.

Он стоял на пороге, скрестив на груди руки, подобием памятника возвышаясь над этим недалеким обывательским мирком, посланцами коего являлись, судя по выражению его глаз, мы, и буравил несчастного Аристово недобрым взглядом.

– Ну? – спросил он, и я отметила, что голос у него скрипучий, как старая табуретка. – Ты же сегодня не собирался ко мне заходить... Честно говоря, я рассчитывал поспать и отдохнуть. А это кто?

При последних словах он кивнул небрежно в мою сторону, мало заинтересовавшись моей красотой.

– Вот из-за нее я к вам и пришел, – начал оправдываться Аристов с таким же выражением лица, с каким, наверное, Адам прикрывался пред разгневанным ликом божьим несчастной Евой. – Она тоже пишет стихи... Может быть, вы найдете ей работу?

Он посмотрел на меня уже с большим интересом.

Я постаралась изобразить на лице радостно-безмятежную улыбку.

– Значит, ты пишешь? – спросил он, явно не доверяя Аристову.

– Да, – выражение невинной глупости всегда давалось мне легко, поэтому я сразу достигла успеха.

Господин Барышников устыдился своего засаленного халата и выглядывающей из-под него пижамы.

Если такие типы начинают стесняться собственного неглиже перед женщиной, значит, женщину признали за даму!

А это, согласитесь, случается не так часто, как нам хотелось бы.

* * *

Лариков тем временем изнемогал под гнетом любовной страсти.

Все в Лизе виделось ему совершенным, прекрасным, и сердце его так колотилось в груди, что временами ему казалось, будто еще немного – и он воспарит, превращаясь в херувима, а может быть, в серафима...

В голову полезли возмутительно глупые мысли, да и, как нарочно, из включенного радиоприемника раздался внушительный и мрачный голос, читающий Хайяма: «Кто не знает любви...»

Лиза уже не пыталась заставить его сосредоточенно слушать ее логические «цепи», поскольку бесполезно опутывать ими человека в оковах страсти. Она только наклонила головку и наблюдала, как этот странный парень на ее глазах сходит с ума. Ситуация была достаточно опасна, но Лиза еще надеялась удержать ее под контролем.

– Андрей! – мягко позвала она его. – Так что вы хотели мне предложить?

Он встрепнулся и непонимающе уставился на нее, пытаясь понять, чего от него хотят.

Наконец невероятным усилием воли он собрался и вспомнил, о чем только что говорил с этой Посланицей Небес.

– Работать вместе, – мечтательно улыбнулся он, пытаясь вобрать в себя каждую черточку Лизиного лица.

– Это я поняла, – кивнула Лиза. – Но как?

– Что как? – переспросил Андрей. Ему все казалось предельно ясным. Они будут вдвоем – остальное придет потом, а если и не придет, неважно, поскольку...

Поскольку все становилось второстепенным и неважным на том кусочке неба, где он только что поселился вместе с этой очаровательной Лизой.

– Как вы это видите? – не унималась она. – Вы представляете интересы дамы, которая как раз является одной из подозреваемых, насколько я поняла. Или я ошибаюсь?

– Нет, – отрицательно покачал головой Лариков. – Вы не ошибаетесь.

«Вы не можете ошибаться, – хотелось добавить ему. – Все, что вы говорите или делаете, так прекрасно, что только идиоты не согласятся с каждым вашим шагом!»

– Значит, кто-то из нас пойдет против своих интересов, так? Понимаете ли вы, что это ни в коем случае не буду я?

– Понимаю, – согласился Лариков.

– Тогда я ничего не понимаю, – развела она руками. – Объясните, бога ради, пока я не подумала, что у меня не все в порядке со здравым смыслом!

– Сейчас я постараюсь вам это объяснить, – пообещал Андрей, хотя испугался, что ничего объяснить пока не сможет – слишком расслабился его рассудок, отдавшись всецело зову весны.

* * *

Барышников, пленившийся наконец-то моей красотой, теперь приободрился.

Его глаза засверкали, и, напевая странное «турумбурум» себе под нос, он сказал Аристову:

– Проводи гостью в зал. Я скоро буду. Только приведу себя в порядок.

Потом он исчез в ванной, а мы с Аристовым прошли в комнату, гордо именуемую «залом».

Никаких канделябров там не было, и зал-то этот был похож на заурядную комнату в нуворишском стиле, когда из-за наличия пары кожаных кресел помещение приобретает нежилую, «офисный» вид.

Правда, немного спасал положение белый рояль, стеснявшийся собственной неуместности, отчего его было до слез жалко.

Я села на кожаного урода и осмотрелась.

На стеллажах вдоль стены ютились несколько томов энциклопедий, да еще лежала небольшая стопка журналов порнографического характера.

– Иногда мне очень нравится, что я не богата, – задумчиво сказала я Аристову. – От этих «евроремонтовых» квартир веет могильным холодом. Будто тебя на некоторое время помещают в склеп, правда?

Он кивнул.

– Мне тоже так кажется, – признался он.

Я поехала. Наш хозяин не шел. Наверное, прихорашивается, решила я, продолжая с любопытством разглядывать его апартаменты.

Говорят, что дом несет на себе отпечаток личности хозяина. Хозяин этого дома то ли вообще никакой личностью не был, то ли старательно скрывал свое «я» от посторонних глаз. Поскольку квартира сия была точь-в-точь как и сотня других квартир с супернавороченной обстановкой.

Хотя мне почему-то было жутковато тут – я и сама не могла понять, что со мной происходит. Мрачные фантазии громоздились одна на другую, я населяла окружающие меня сейчас предметы зловещим смыслом, совершенно им не присущим.

Ну почему, например, при взгляде на большое блюдо с китайским пейзажем, висящее на стене, мне померещилось, как на этом самом блюде две толстенькие дамочки, в одной из которых я без труда узнала Ирину Тимофеевну, несут голову Барышникова, не успевшего даже переодеться?

Наверное, все это из-за исчезновения Марины Овсянниковой, решила я. А сама Марина в это время сидит себе спокойно, играет «Хорошо темперированный клавир» Баха и даже не подозревает, что мы разыскиваем в квартире Барышникова ее останки!

Наконец на пороге появился наш хозяин, обряженный почти в смокинг, с радостной улыбкой на свежем и вымытом лице.

– Теперь можно и познакомиться, – обольстительно улыбнулся он мне. – А то раньше я производил на вас, барышня, отталкивающее впечатление, не так ли?

Я не сказала бы, что сейчас он произвел на меня притягательное впечатление, но сдержала порыв легкого хамства и вежливо кивнула, на всякий случай соглашаясь с любым его утверждением. Кстати, это хороший способ заставить человека разговаривать до такой степени, что он невольно начнет открывать свои тайны, сам этого не замечая.

Люди ведь в основном только тем и занимаются, что ведут пространные беседы с собой, и стоит найтись человеку, согласному выслушать их, они от радости теряют над собой контроль.

Главное – во всем с ними соглашаться!

– Ну и замечательно, – развеселился Барышников. – Меня зовут Николай Васильич, как Гоголя... В этом прямое указание на мою гениальность!

Он громко захохотал над собственной шуткой. Я робко улыбнулась, пытаясь сделать мою улыбку искренней. Ничего у меня из этой затеи не получилось, потому что Барышников перестал смеяться, хмыкнул и спросил:

– А Сережа рассказал вам о специфике моего творчества?

– Да, конечно, – кивнула я.

Не знаю, чему он обрадовался больше – тому, что не надо обучать меня тонкостям воровского аргю, или тому, что я согласна нести пиитическую ахиною.

– Оч-чень хорошо, – пропел он, потирая руки.

Он протянул мне свою повелительную длань и проговорил:

– Позвольте?

Я немного опешила.

Что, собственно, я должна была ему позволить? Неужели он начнет «обольщаться» моей красотой при Аристове?

Дело-то в том, что Николай Васильевич не-Гоголь смотрел на меня недвусмысленным взглядом, да еще и начал странно подмигивать, так игриво, что по моей спине побежали мурашки.

– Ну? – пошевелил он пальцами.

Я уставилась на эти толстые пальцы в рыжих кудрявых волосках в таком шоке, что и сказать ничего не могла. Со страхом подняв на него глаза, я встретила требовательный взгляд небольших буравчиков и пролепетала:

– Что... вы имеете в виду?

– Я? – удивленно переспросил он, не сводя с меня пристального взгляда. – Я имею в виду стихи, моя хорошая. Вы принесли мне свои, так сказать, пробы пера?

Облегченно вздохнув, я нахально протянула ему листы с «моими» стихами.

Он принял их довольно благосклонно, напялил на кончик носа огромные очки (причем мне показалось, что там простые стекла вместо линз) и зашевелил губами, вчитываясь в творения Вийона.

Иногда он удивленно посматривал на меня, отчего я чувствовала себя в кожаном кресле примерно так же, как смертница на электрическом стуле. Ну, все – сейчас включат рубильник, и моя песенка будет спета...

Я готовила себя к самому худшему.

Но в этот момент в дверь позвонили.

Он отложил листы в сторону и пробормотал:

– Извините, ради бога...

Поднявшись, он вышел.

Мы с Аристовым услышали, как он что-то негромко сказал, потом дверь открылась, хлопнула, и по его быстрым шагам вниз я догадалась, что он решил спуститься к своему посетителю.

Во мне мгновенно проявились сыщицкие инстинкты. Я встала, огляделась и подошла к секретеру.

Секретер был внушительный, сработанный под старинный, и показался мне похожим на бульдога-тяжеловеса.

Я открыла ящик.

– Что ты делаешь? – вскричал напуганный моим безнравственным поступком Аристов.

– Сую свой нос в чужие дела, – ответила я, хладнокровно рассматривая найденные мной бумаги.

Впрочем, они оказались полной фигней – счета, какие-то записки, которые я бегло просмотрела.

«Н.В.! Ждали вас вчера весь день, где вы были? Позвоните. Б.».

Ничего интересного. Еще несколько маленьких повелительных эпистол от неизвестной Б. Какая-нибудь дама, скрытая от посторонних глаз?

«Коленка, не забудь про завтрашний день!» «Заходила, но вас не застала. Перезвоню. Дело очень важное, касательно М.».

Последняя записка меня немного заинтересовала, поскольку литер «М» могла указывать на Марину.

Я повертела листок в руках, но ни даты, ни подписи там не было. Немного подумав, я решила, что, несмотря на свою страсть к запискам, которые Барышников хранил с трогательной бережностью, он вряд ли обнаружит ее пропажу, и сунула бумажку в карман, повинувшись приступу kleptomanii.

– Как ты думаешь, – осторожно спросила я, – он ни о чем не догадался?

– Надеюсь, – неопределенно пожал плечами Сережка.

Я нервно поежилась, представив себе все самое худшее, что могло произойти.

И, поразмыслив, пришла к утешительному выводу – а ничего! Ну, в крайнем случае, он просто выгонит меня взашей, и мне придется думать, как узнать о Марине. И, кстати, о Марине...

– Не забудь все-таки спросить у него, может быть, он что-то знает?

– В этом я не сомневаюсь, – криво улыбнулся Аристов. – Наверняка знает, вот только вряд ли захочет делиться с нами своими знаниями!

– Думаешь, он все-таки преступник?

– А ты думаешь иначе?

Я еще никак не думала. Конечно, Барышников был противным типчиком, но ведь это еще не повод подозревать его в самых ужасных злодеяниях!

Он задерживался.

Прошло уже двадцать минут, а его все не было. Я успела обшарить все ящики, исключая бельевой шкаф, и собиралась теперь приступить к изучению его содержимого. Удерживало меня одно – вероятность найти там нечто ужасное, что может свести меня с ума. А мой рассудок был мне пока еще нужен.

Поэтому я снова уселась в кресло, разглядывая Аристова, который нервничал и ерзал на стуле, посматривая на часы.

Понять его было можно!

В конце концов, это даже невежливо – бросить своих гостей, пусть непрошенных, на волю судьбы...

Я встала и подошла к окну, в надежде увидеть причину его долгого отсутствия.

Во дворе толпились люди, и все они испуганно вглядывались в барышниковское окно, будто я своим появлением их изрядно напугала.

Приглядевшись, я обнаружила еще подъехавшую «Скорую», из которой вылезли два санитара с носилками, и...

– О черт! – выругалась я.

Схватив Аристова за руку, я вытащила его из квартиры и в бешеном темпе стянула за собой вниз по лестнице.

– Ты что, обалдела? – спросил он меня. – Куда...

Я приложила палец к губам.

– Тс-с-с! – прошипела я. – Сделай веселое лицо, и линияем в темпе «аллегро виваче», если ты не хочешь вляпаться в пренеприятную историю.

– ?!

Его глаза выглядели огромными и круглыми блюдцами на возмущенном лице.

– Что ты...

На объяснения у меня не было времени. И не было особенного желания сейчас быть замеченной. В собравшейся вокруг тела толпе мне сразу бросилась в глаза внушительная фигура Ирины Тимофеевны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.